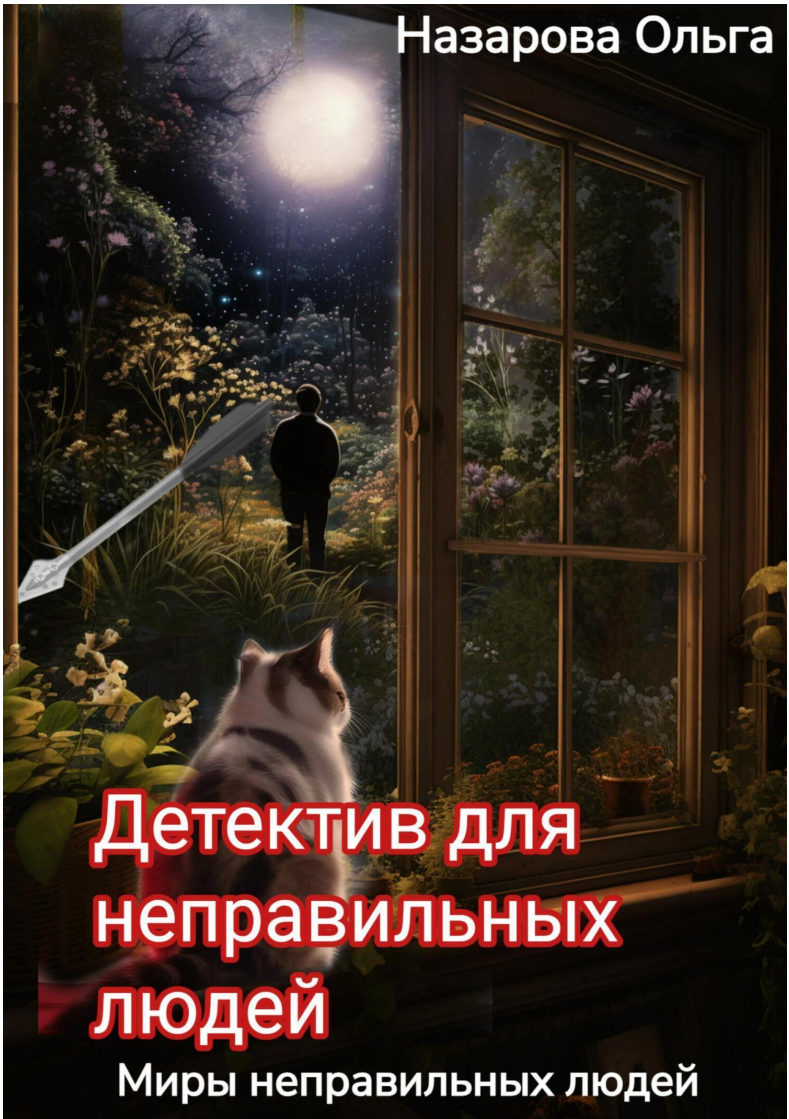

Назарова Ольга

Детектив для неправильных людей

Миры неправильных людей

Ольга Назарова

Детектив для неправильный людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70269157
SelfPub; 2024

Аннотация

Что может быть приятнее, чем лето и начало долгожданного отпуска? Главбух Мария Хантерова уж точно его заслужила! Дети с бабушкой на море, а сама Маша мечтает тихо и спокойно пожить на любимой даче. Правда, мужа неожиданно отсылают в командировку, а на даче выяснятся, что на Машину жизнь покушаются. Очевидно же, что провод, который не является заземлением, неизвестно кем накрученный на ножку ванной, не менее опасен, чем пистолет. Внезапно становится понятно, что единственный человек, которого можно позвать на помощь – это её первый муж, с которым она уже десять лет практически не общается. Это, конечно, не совсем правильно, но что делать с неправильными людьми, у которых всё не так, как обычно? И, наверно, недаром про Машу было сказано: «Есть женщины в русских селеньях, на их ты дороге не стой… Деревья тобою покосят, болота осушат тобой!», она сможет многих удивить…

Содержание

Глава 1. Майский день в августе 4
Глава 2. Рациональный подход с одним исключением 15
Глава 3. Разговор в темноте 27
Глава 4. Дивнородственное семейство 37
Глава 5. А просто поговорить 50
Глава 6. Триллер под дачной луной и русалка в ванной 62
Глава 7. Вечный мальчик во взрослых интерьерах 73
Глава 8. Чистая и незамутнённая радость 91
Глава 9. Главбух на взлёте 103
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Ольга Назарова
Детектив для неправильный людей

Глава 1. Майский день в августе

Когда уставший и заработавшийся человек, честно заслуживший свой законный отпуск, просыпается первым отпускным утром, с досадой выключает затрезвонивший будильник на смартфоне, заодно, из чистой вредности отключив ему весь звук, ему кажется, что перед ним много-много блаженства…

– Ага! Как же! – мрачно сказала бы таким наивным людям Мария Хантерова.

– Если блаженство – это когда муж, у которого были планы отправиться со мной на дачу, вдруг судорожно собирается в командировку, то я с этим не согласна! И вообще, откуда взялась эта проклятая командировка?

Её супруг – Илья Максимович Хамовкин – обстоятельно и планомерно собирал чемодан.

– Машенька, ты не расстраивайся… Я же скоро вернусь и непременно сразу же поеду к тебе на дачу. Только помнишь, да? Чтобы кошки в доме не было! И псины тоже! Мне с моей

аллергией это противопоказано!

Маша покивала головой, раскладывая перед Ильёй вещи, которые он умащивал в чемодан.

Вообще-то кошка и собака были не их, а принадлежали соседям слева, но так как соседи не особенно рвались их кормить, то предприимчивая парочка ходила и побиралась по дачам, честно деля пожертвованное. Маше очень хотелось взять их себе, благо соседи каждый раз прямым текстом предлагали. Дети – пятнадцатилетний Сергей и двенадцатилетняя Настя были бы только рады, но как быть с Ильёй?

При близком соседстве с любой встречной-поперечной кошкой у него начинался неудержимый насморк, потом отекали глаза, потом он покрывался пятнами, начинал чесаться… Короче, лучше было не пробовать.

Поэтому кошку Маша кормила втихаря, а когда Илья засыпал или куда-то уезжал, относила псу его порцию на участок соседей, благо ключи они ей оставили давным-давно.

Собираясь, Илья ворчал:

– Хотя я и не люблю эту твою дачу! Зачем мы вообще на неё тратим столько времени и сил? Она же принадлежит твоей матери! – он даже перед отъездом не мог удержаться и не вцепиться в излюбленную свою тему.

– Илюш, ну какие такие огромные деньги мы на неё тратим? – привычно вздохнула Маша, которая заподозрила, что провести несколько дней на даче в одиночестве, это не такая уж и плохая идея…

Серёжа и Настя приедут с моря, куда их повезла бабушка, через пять дней, Илья вернётся через шесть, так что она просто выспится, покопается в огороде в своё удовольствие, и никто не будет бухтеть… Вот как сейчас Илья:

– Маша, я точно знаю, что нет на свете таких идиотов-директоров, которые будут в виде премии оплачивать главному бухгалтеру шикарный ремонт дачи! Я уверен, что ты сама за него платила, а меня просто не захотела расстраивать! Или тебе твой богатенький бывший деньги на это прислал! Маша, мы же договаривались, что он платит только алименты!

Он всё фыркал и брюзжал, и Маша начала потихоньку злиться. Впрочем, у неё от «потихоньку» до состояния «плююсь огнём метко, быстро и абсолютно даром» всегда проходило совсем немного времени…

– Так, Илья! Ты сейчас опоздаешь в аэропорт и будешь утверждать, что это я виновата! – нехорошо прищурилась Мария.

– Хорошо-хорошо, не хочешь говорить – не надо! Но я так и не понял, что за тайна, сколько он тебе выплачивает алиментов?

Маша недрогнувшей рукой выпроводила мужа вместе с чемоданом в командировку и повспоминала, по какой причине у неё совсем недавно было расчудесное настроение.

– А! У меня же отпуск! И чего я огорчалась из-за его командировки? Тем более, что раз он опять вцепился в тему алиментов, то быстро бы не отстал. Короче, мне уже впору

радоваться его отъезду! – настроение снова расцветало пышным цветом, переливаясь августовскими яркими цветами. Правда, немного скукоживаясь там, где его касались мысли о Хантерове и алиментах.

– Скажи ему, сколько алиментов приходит, так Илью кондратий хватит! – сообщила Маша зеркалу. – Обойдётся, короче говоря! И в кого он такой… жадноватый.

Нет-нет, Илья вовсе не требовал экономить на всём, кое-как питаться и ходить в обносках, но известия о том, что кто-то тратит большие деньги, приводили его в душевный трепет, пусть даже эти деньги его никак не касались.

Если бы он узнал, что Машин бывший муж сейчас не просто начальник службы безопасности крупного производственного концерна, но и достаточно серьёзный его акционер, то исстрадался бы от сознания, что такие деньги и мимо, мимо… А если бы был в курсе, что именно Маша купила на алименты, накопленные за десять лет, прошедших с момента их с Хантеровым развода, то и вовсе по стенке бы ходил.

– Да, однокомнатные квартиры детям! Да, отдала деньги маме, она купила и договором дарения передала их мне. Да, может, и надо было ему это всё изложить, но зачем – это же не моё, а для Серёжи и Насти!

Маша по дороге на дачу невольно обдумывала вопрос, правильно ли всё сделала, или всё-таки надо было как-то иначе?

– А как иначе-то? Мы с ним сразу договорились, что моих

детей я содержу только со своих заработков и с алиментов, которые присылает Кирилл. Так что ничего такого я не сделала… А договор дарения… Нуууу, это просто профдеформация! Я ж главбух! Я обязана учитывать все возможности!

Нет, разводиться с Ильёй она не собиралась, но ведь и с первым мужем тоже… До сих пор, когда случайно вспоминался их развод, начинало болеть сердце.

– Так, и чего ты опять полезла в прошлое? – уточнила она у собственного отражения. – Десять лет прошло – забыть и растереть! Дура ты!

Отражение в ответ явно засомневалось.

– Да ладно! Себе-то можно признаться, что вот такая и есть, раз до сих пор вспоминаешь, как он изменил… Нет, Илья не такой… вообще не такой – полная противоположность во всём, но…

Логика была вполне объяснима – если уж её первый муж, в котором она была уверена больше, чем в себе, больше, чем в том, что утром будет восход солнца, а вечером – закат, и то так её предал, то больше ни в одном мужчине нельзя быть уверенной на сто процентов.

Разумеется, Илье она этого не говорила, но, когда на «алиментном» счёте накопились просто-таки угрожающие суммы денег, а экономические кризисы никто и не думал отменять, она решила вложить эти средства разумно, ну и обезопасить их на всякий случай, чего уж там. Чисто автоматически… по привычке.

– Уверена, что всё сделала правильно, но узнает Илья – крику будет! – вздыхала Маша, загоняя машину в гараж и вытаскивая из неё пакеты с продуктами.

Кошка Дашка высунула голову из зарослей у крыльца, как будто тут и сидела всё это время, пока не было хозяйки дачи.

– Дашуля! Киса моя золотая! – Маша точно знала, что её соседка справа исправно насыпала Дашке её любимый кошачий корм, да и собаку кормила – Мария специально покупала им еду и оставляла у соседки, но кошка всегда встречала её так, словно месяц ничего съестного в глаза не видела.

– Даш, совесть имей, не демонстрируй мне под ногами голодные обмороки, я всё равно не поверю! Вот ты какая гладенькая и красивая стала. А где Малыш?

Затрещали кусты жасмина у забора и через свежий подкоп к ней заторопился Малыш…

– И чем думали соседи, когда тебя так называли? – привычно удивилась Маша, погладив здоровенного Малыша. – Такой слоник… И зачем ты дырку прорыл? Мы ж договорились, что ты не вламываешься – я бы всё равно к тебе пришла.

Слоник стеснительно засопел, принюхиваясь к сумкам с едой.

– Ладно-ладно, граждане, сейчас я немного разгружусь и будем праздновать мой отпуск!

Попраздновать удалось совсем немного – Дашка чем-то упорно шумела в ванной, и Маша отправилась уточнить чем

именно.

– И как это ты решётку под ванной сбила? – удивилась Маша. – Там что, мышка?

Облицованная кафелем ванная была Машиной гордостью. Да, возможно, на даче это и не так нужно, но иногда так хочется отдохнуть после трудного дня в тёплой воде.

У всех людей бывают свои слабости. И вот у Марии Хантеровой одной из слабостей было расслабление в тёплой воде, ну хоть в маленьком тазике. А если уж есть ванная…

Для доступа к трубам строители оставили отверстие и закрыли его деревяной решёткой, и теперь она валялась рядом, а кошка озадаченно вглядывалась в темноту.

– С ума сойти, и как ты её оторвала? Дашка, ну что за вредительство? Ой, не надо туда лезть! Даш, ну хорошо, давай я посмотрю, что там. Только официально тебя предупреждаю – мышь, если что, ловить будешь сама!

Пространство под ванной было засыпано мелким чистым речным песком, Маша уставилась на него, пытаясь понять, что именно так беспокоит кошку и тут увидела провод…

– Интересно. А зачем тут какой-то провод торчит из песка, да ещё закреплённый на ножке ванной? – она сначала проговорила это вслух, а потом, уставившись на оголённый конец провода, крепко-накрепко замотанного вокруг ближайшей к ней ножки чугунной ванны, почувствовала, что оседает на пол.

– Ванна, чугун, вода, провод… провод… – она не могла

отвести взгляд от тёмного окошечка под ванной, откуда на неё смотрела её гибель.

– Ванна. Я так люблю воду. Тёплая вода, чугунная ванна, провод на ножке…

Картинка, представшая перед ней, была такой яркой, что она взялась за горло рукой, второй рукой оттаскивая от чёрного провала недоумевающую Дашку.

Нормальному мирному человеку крайне трудно осознать что-то такое.

– Кто-то… Кто-то так меня ненавидит? Но кто? И почему? Что я сделала?

Да, Мария Владимировна Хантерова могла быть вредной и жёсткой – профессия такая. Но даже самых суровых главных бухгалтеров не пытаются таким образом «отвлечь от отчётов».

– Ладно бы знала какие-то страшные секреты начальства… Но ничего такого нет и не было. Да и быть-то не могло.

Мысли были медленные, словно замёрзшие от ужаса. Единственное, что она сумела сделать – пойти и крепко-накрепко запереть входную дверь. Правда, тут же сообразила, что это не имеет смысла – тот, кто поставил ей такую ловушку, спокойно зашёл в дом, значит, ключи у него есть!

– И что мне теперь делать? А?

Вопрос повис в воздухе, покачиваясь вместе со всей своей неотвратимостью, словно несданный отчёт и несведённый

баланс.

– Так, Машка, очнись! Надо что-то предпринять! Вызвать полицию? ну снимут они отпечатки пальцев в лучшем случае – я же жива, жертв нет… пока… нет.

И тут она сообразила, что вместо неё в ванной мог оказаться кто-то из детей или мама! Это взбодрило её так, словно кто-то вылил на голову ведро ледяной воды.

– Позвонить Илье? Нет… он… Что он может сделать? – ясно представился Илья, бубнящий что-то успокаивающее типа: «Машенька, ну что ты там придумала? Наверняка просто работяги забыли этот проводок или это заземление. Заземление у нас через металлические трубы? И проводка совсем недавно не было? Точно не было? Да тебе просто показалось, что не было!»

– Даже если я его сумею убедить, он только запаникует! Но что делать-то? – ответ пришёл чёткий и ясный: – Надо звонить Хантерову!

Она старалась как можно меньше вспоминать и думать об этом человеке, правда, фамилию его оставила – менять кучу документов откровенно не хотелось, фамилия Ильи не нравилась даже ему самому, так что на смене он не настаивал. Но главной причиной была реакция детей:

– Мам, мы что, будем жить под разными фамилиями? – сыну на тот момент было уже почти шесть и он, страшно переживавший из-за развода родителей, расстроился из-за проклятой смены фамилии до повышения температуры и

рыданий. Тут же к нему присоединилась совсем ещё маленькая Настя. Именно поэтому Маша решила, что плевать, пережила она измену, переживёт и фамилию, и всё прочее – на всё плевать, главное, не мучить ещё больше детей.

Почему-то именно это вспоминалось, когда она набирала номер телефона бывшего мужа. А ещё… ещё внезапно вспомнился их специальный код, который сообщал об опасности.

– Привет! – голос Хантерова был таким, словно они расстались пять минут назад.

Но Маше было не до анализа его интонаций. Она сказала всего три слова:

– Хунта, майский день, – сигнал бедствия, который до сих пор применяется во всём мире, вполне подходил и под её ситуацию.

И услышала в ответ невозмутимое:

– Понял. Где ты?

– На даче.

– Выезжаю.

Бессильно опустив руку с зажатым в ней смартфоном, Маша сидела на полу комнаты, напротив печки и вспоминала, как они вдвоём очень любили смотреть на огонь, вспоминала, что прозвище «Хунта» придумала мужу сама. Подчинённые, да и его начальство, частенько звали его Хак, как сокращение от первых двух букв фамилии и первой буквы имени – Хантеров Кирилл.

А вот Маше муж временами отчётливо напоминал Кристобаля Хозевича Хунту – героя книги Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Она частенько цитировала ему фразы оттуда, например, когда заставала мужа рано утром на кухне: «Кристобаль Хозевич успел раньше. Он любил успевать раньше – всегда и во всём», или когда слышала, как он командует подчинёнными, ставя перед ними очередную маловыполнимую задачу: «Кристобаль Хозевич Хунта, заведующий отделом Смысла Жизни, был человек замечательный, но, по-видимому, совершенно бессердечный».

– Эх ты… Великий Инквизитор! – горько рассмеялась она, покосившись в окно, за которым уже темнело небо. – Прости, что дёрнула, но ты, как выяснилось, единственный, кого я могу позвать в такой ситуации.

Почему-то стало спокойнее, а потом, видимо, усталость, навалившаяся после тяжёлых отчётов, окончания работы по огромному договору с кучей сложных оформлений и дичайший стресс, просто выключили её, и она уснула прямо на полу, привалившись к спинке дивана, и напрочь забыв включить громкость смартфона.

Глава 2. Рациональный подход с одним исключением

До Петрозаводска час быстрой езды, аэропорт, недолгое ожидание рейса, полтора часа лёта до Москвы, там уже ждала машина, пригнанная одним из его подчинённых. Ещё час двадцать до Машкиной дачи. Не звонил он ей только в самолёте, всё остальное время набирал постоянно, но не мог дозвониться.

– Что случилось и куда она вляпалась? Приеду… Не знаю, что я с ней сделаю!

Он аккуратно позвонил детям.

– Да, мы ещё на море, всё классно! – сын бодро рапортовал о сестре, которая «совсем безголовая, пап, с ней надо что-то делать! Ну лезет за буйки и всё тут», о бабушке «Бабуля прикормила всех котов в округе, и, по-моему, мы её уговорим на котёнка».

Хак опасался спрашивать про Машку – сын мог начать ей звонить, а не дозвонившись, мог ляпнуть что-то бабушке. С бывшей тёщей у Хантерова были чудесные отношения, общался он с ней не в пример чаще, чем с Машкой, которая позволяла себе только писать и то, исключительно по поводу детей, так что никаких лишних треволнений ей устраивать категорически не хотелось.

Правда, звонок был полезен. Сын заговорил о матери сам.

– У мамы отпуск сегодня начинается. Она с Ильёй на дачу собиралась ехать, – Сергей помолчал, а потом продолжил: – Мы когда приедем с Настькой, тебя сможем увидеть?

– Конечно! – Хантеров с детьми общался, как только у него выпадала возможность, так что был в курсе всех их дел. – Ладно, иди вылавливай сестру, пока она в дельфина не превратилась!

Мрачно покосившись на погасший экран смартфона, Хак начал размышлять:

– Так… С детьми всё отлично. Тогда что? И где этот самый Илюшенька, если у Машки что-то случилось?

Вариантов могло быть много, правда, Хантеров не видел смысла обдумывать их без хотя бы минимальных оснований.

Промелькнули мимо такие знакомые дачные улочки, но он и не подумал останавливать машину прямо около нужного дома, нет… припарковал на травянистой обочине, подальше от Машиной дачи и шагнул в сумерки.

Темнота вокруг вызывала острую тревогу, а своему чутью Хантеров привык доверять. Забор для Хака не был преградой, зато внизу его встретила будкообразная молчаливая физиономия крупного пса.

Правда, пёс тоже не был проблемой – вот с кем с кем, а с животными Хантеров ладил отлично – значительно лучше, чем с иными людьми, так что договориться с собакой никаких трудов не составило. Почему-то пёс, проникшийся вне-

запно симпатией к незваному гостю, потрусил вглубь участка и явно приглашал Хака следовать за ним, но сейчас ему было ни до чего.

На крыльцо скользнула практически незаметная тень, закрытый замок почти беззвучно щёлкнул, пропуская пришельца, и он шагнул в тёмный дом.

– Где Машка и этот придурок – Илья? – на Илью Хаку было наплевать с высокой колокольни, но вопрос-то возникал…

В темноте он всегда видел отлично. Машку он нашёл в комнате у печи. На полу. Мысль о том, что он опоздал, заполошно заметалась, забилась в висках, но была буквально насильно скручена и придавлена тяжёлым Хаковским характером где-то в глубине сознания. Осторожно коснулся её руки и тут же понял, что жена жива… То есть да… бывшая жена.

Машка что-то забормотала, мотнула головой, поморщилась, видимо, от неудобного положения затекло тело, а потом открыла глаза и ахнула – около неё кто-то был!

– Спокойно! Это я! – голос она узнала бы где и когда угодно.

– Ой, ну как же… Как же ты меня напугал-то! – выдохнула Маша, моментально приходя в себя.

– Я чуть не заорала спросонок и уже соображала, чем бы в тебя кинуть. Погоди… Я же двери запирала как ты в дом вошёл? Хотя, у кого я это спрашиваю.

Хак только тогда понял, как он нервничал всё это время,

так что выдохнул и уточнил максимально спокойным тоном, на который в тот момент был способен:

– Что у тебя случилось?

– Я… Я нашла под ванной оголённый провод, закрученный вокруг ножки, и это не заземление – он совсем недавно появился. А заземление у нас через металлические трубы. Хак, меня, что… убить хотят? – она так надеялась, что он покачает головой, скажет, что это всё ерунда, посмеётся над её страхом. Она, разумеется, обзовёт его чурбаном, ядовито извинится за то, что была виновницей его приезда за город, скажет ещё что-нибудь этакое.

Только Хантеров и не думал делать ничего подобного.

– Покажи. И да, почему ты не отвечала на звонки?

Маша перевела взгляд на смартфон, выпавший из её ладони и уютно лежащий экраном вниз на коврике.

– Ой, я, наверное, звук включить забыла, а вибросигнал вообще вчера убрала – достали на работе. Ты звонил? – она включила смартфон и изумлённо подняла брови. – Столько раз?

– Не включай свет! – Хак услышал какой-то шум на улице. – Сиди здесь и не высовывайся.

– Триллер какой-то! – сообщила Маша кошке, выбравшейся к ней из-за дивана. – И чего это Малыш так разошёлся? Ой, он же Кирилла слопает!

Она бы, конечно, не послушала бывшего мужа – ещё чего не хватало! Но попросту не смогла подняться – закололо

ноги, которые она во сне так опрометчиво отсидела.

– Кто-то был у забора со стороны бани… – сказал абсолютно беззвучно оказавшийся у неё за спиной Хантеров. – Тебе помочь?

– Нет… Сейчас я встану… – ей не хотелось, чтобы бывший муж к ней как-то прикасался.

Пока она растирала ноги, шипя про себя, молчать было как-то нелепо, поэтому Маша спросила по возможности светским тоном:

– Надеюсь, я тебя не сильно отвлекла от работы?

– Нет, ничего страшного. Я просто не знал, что думать, раз у тебя не отвечает телефон. Чуть с ума не сошёл, особенно в самолёте.

– Где? – изумилась Машка, выпрямившись и для моральной поддержки прихватив кошку.

– В самолёте. Я в Карелии был…

– Сумасшедший! Ты что, не мог сказать, что не приедешь?

– Почему не приеду? Я же приехал.

– Да зачем мне такие жертвы от тебя?

– Так, погоди… Давай я сначала посмотрю на то, что ты нашла, а потом решим, нужен был мой приезд или нет.

Вот эта его рациональность Машу всегда и восхищала, и дико раздражала! Почему-то её бывший муж всегда чётко видел простейший и самый выгодный ответ, самый короткий путь и самое правильное решение. Всегда… Кроме того случая, после которого они развелись.

Маша молча прошла в ванную, опять едва машинально не включив свет, но наткнулась рукой на ладонь бывшего мужа, предусмотрительно прикрывшего рукой выключатель, торопливо отдёрнула руку и уж совсем нелогично разозлилась.

– Гений, ёлки-палки! – сердито сверкала она глазами на затылок Хантерова.

– Не пыхти, лучше дверь закрой – она ровно напротив окна находится и с улицы можно будет увидеть, что в ванную кто-то вошёл, а нам это пока не нужно. Потом можешь включить свет, – раздался невозмутимый голос.

Очень хотелось ответить чем-то этаким… Типа «я сама всё знаю», только вот, если бы она знала, то и не позвала бы его! Вон как он её раздражает – только-только встретились, а уже аж искры от ярости.

– Да… – негромко сказал Хак, заглянувший под ванную.

– Что да?

– Тебя хотели убить, – буднично сказал он. – Правда, как-то странно хотели… Пока не очень понимаю… Но, возможно, желающий попался не очень знающий. Так. Дети на море, твоя мама там же… Да, кстати, а где твой… Где Илья?

Назвать Хамовкина мужем Машки он физически не мог – язык не поворачивался.

– Илья в командировку уехал с утра. Внезапно вызвали.

– Удивительно просто! – бесстрастно откликнулся Хак, отходя от ванной и отряхивая руки. – Слушай, а как ты во-

обще догадалась туда заглянуть?

Маша, осознавшая, на что именно намекает её бывший супруг, решила, что должна как-то отреагировать на эти гнусные инсинуации, но почему-то смолчала. Зато вместо этого ответила на вопрос:

– Кошка… Это не я туда полезла, а она.

– Я и не знал, что ты кошку завела, и Серёга с Настёной не говорили, да и пёсик твой для меня в новинку… – он старательно отвлекал Машку от её ужаса, от истерики, которая явно собиралась прорваться наружу.

– Они не мои – соседские. Соседям не нужны, а я их кормлю, или корм оставляю тёте Вере, ты её знал…

– А почему себе не возьмёшь? – буднично уточнил Хантеров.

– Илья… У него аллергия на кошек, а Малыша он просто боится! Хак! – всё-таки прошли десять лет, и она стала смелее, хладнокровнее и собраннее – иначе с её профессией не выжить.

– Что мне делать?

– Не дать себя убить, конечно, – пожал плечами Хантеров. – Выяснить, кто это тут такой умный, а дальше…

– Понятно, – Маша сосредоточенно кивнула головой. – Спасибо за совет. Ты… Ты езжай, наверное. Если ты сегодня в Карелии был, то устал, да и ждут тебя дома.

От понимания того, что он сейчас уедет, а она останется с настоящим, натуральным ужасом один на один, Маша по-

холодела.

– Маш, ты с ума сошла? У моих детей запасных матерей нет! – фыркнул Хантеров. – Дома – да, ждут – трикотаж мой – три кота. Но они не одни, а с соседкой-пенсионеркой. Она у меня котовой няней работает, когда я уезжаю. Так что глупости не говори. Но в одном ты права – я и правда устал, правда, больше от того, что не знал, что случилось и был готов самолёт в воздухе подталкивать. Кстати, ты ела?

Маша задумалась. От облегчения, что ей не придётся одной разбираться со всем этим кошмаром, накатило такое облегчение, что даже мысли шевелились как-то медленно и лениво.

– Не помню… Продукты приносила, а вот дальше… Дальше Дашка оторвала решётку.

– Понятно. Тогда пошли поедим, а потом подумаем, что нам делать.

– Мне делать? – переспросила Маша, исключительно для того чтобы услышать ответ.

– Нет, нам. Это крайне испортит мою деловую репутацию – если я позволю какому-то гаду навредить матери моих детей, – очень холодно заявил Хак, причём, было понятно, что этот ледниковый период направлен не на его бывшую жену, а на неведомого гада.

Это как-то утешало…

– Мы есть в темноте будем? Тут, насколько я понимаю, свет включать тоже не стоит? – уточнила Маша.

– Не стоит. А что тебя смущает? Голодный человек и по запаху еду найдёт, – Хантеров зашуршал пакетом.

– Что ты врёшь? По запаху… Ты в темноте видишь, как кот! – фыркнула Маша.

– А ты помнишь?

– Помню… – и рада бы не помнить, забыть напрочь всё, что с ним было связано, но как? Как забыть, если не получается, если рядом растёт сын, который напоминает об отце с каждым днём всё больше и больше – становится похож на него чрезвычайно.

Как забыть, если всякий раз, когда ей по какой-то причине плохо, непременно снится тот проклятый день, когда она получила очень красочные фото с мужем и его подчинённой.

Это было тогда, когда на корпорацию Мироновых шла массовая атака крайне нечистоплотных конкурентов, когда Хантеров мотался по всей стране, спасая предприятия от захватов, когда даже до стрельбы доходило, и она тряслась как мышь, молясь только, чтобы он живой вернулся. И вот в самую распоследнюю поездку, когда ожидалась наиболее опасная ситуация, он отправился с группой сотрудников, в которой была и та самая его подчинённая. Ловкая, умная и, как выяснилось, весьма предприимчивая девица, которая, подгадав, что шеф, после крайне сложных переговоров с угрозами и прочими «прелестями» рейдерских захватов, вряд ли будет держаться так же неприступно, как обычно, пошла на штурм, увенчавшийся полным успехом.

Сотрудница была настолько предусмотрительна, что отсняла «доказательства» для жены Хантерова и уже была готова праздновать победу, решив, что теперь-то запросто Хака разведёт с его клушей-бухгалтершей и женит на себе.

Первое у неё получилось, тем более что Хак был вынужден признаться Маше в измене, а вот второе не вышло.

– Он никогда на вас не женится, – Маша отлично помнила их разговор с той особой, позвонившей в приливе торжества. – Он ненавидит такие вещи, так что даже если он в вас влюблён до потери пульса, поверьте, вместе с ним вы не будете.

Девица, конечно же ей не поверила. Ещё бы… Она-то красавица, умница, грамотный и надёжный сотрудник. Соратница, можно сказать. И вот со всеми этими плюсами она оказалась моментально уволена, но даже не просто уволена, а выпнута с работы с омерзительной характеристикой и «чёрной меткой», полностью исключающей её трудоустройство на подобную должность в любой мало-мальски приличной компании.

Маша знала все подробности из первых рук – глупая курица потом ей звонила в истерике, которая началась с угроз, а закончилась абсолютно бабским рёвом о том, что Хак, оказывается, может так подло с ней поступить!

– Чем, каким именно местом эта дурища думала? Ну ладно бы, она Кирилла не знала, но ведь три года работала рядом. Да, он ни разу не благородный рыцарь, он жёсткий,

крайне требовательный и вредный. И чего она взяла, что Хантеров её великодушно простит, если в нём этого самого качества крайне немного и то, исключительно для своих самых-самых близких? Ну ладно, положим, думала, что так его поразит своими гм… талантами, что он напрочь забудет про всё остальное, но нельзя же так ошибаться в людях. Хотя… Кто бы уж говорил! Я-то его знаю гораздо лучше и то ошиблась…

Нет, она честно старалась понять, простить, сохранить семью. В конце-то концов, она его любила! Старалась, но… ничего-то у неё не вышло. Всё стояло перед глазами. Прикосновения мужа, даже абсолютно случайные, вызывали неконтролируемый приступ тошноты. Она даже к психологу сходила, правда, вышла оттуда с ощущением того, что ничего нового ей не сказали – она и так понимала, что с ней происходит.

– Я как та несчастная собака Павлова… Условный рефлекс и всё тут. Как только он просто близко подходит, мне так дурно, что хоть пятый угол ищи.

Хантеров откровенно признавал себя виноватым, выглядел, как побитый палками пёс, и, похоже, чувствовал себя не лучше. Хорошо хоть не врал, что его подставили, опоили и заманили.

– Я мог не поддаваться, насильно она меня не тащила. Сам дурак. Какой же я дурак! – сказал он честно.

Но толку-то от этого? Что делать с честными осколками

чего-то целого, если их вместе никак не удержишь?

Глава 3. Разговор в темноте

– Маш! Выйди из транса и ешь, – на колени опустилась тарелка с горкой бутербродов – Хантеров уже успел по-хозяйски распорядиться найденными продуктами.

– Давай-давай, нам потом поговорить надо, а то так ты ещё, чего доброго, в обморок свалишься.

Маша хотела сказать, что если она тогда, десять лет назад туда так и не свалилась, хоть мечтала об этом – выключиться и ни о чём не думать, то сейчас и подавно глупостями заниматься не собирается. Хотела, но передумала.

– Всё. Хватит. Сейчас мне бы с настоящим разобраться, а прошлое… Я его уже пережила! – всё-таки десять лет прожиты были не зря, наращена толстая «словонепробиваемая» шкурка, пережиты мелкие и крупные подставы, подлости коллег, «шпильки», предательства знакомых, сплетни и интриги подруг…

Маша стала представлять себя броненосцем – этаким танком пятьдесят второго размера, с нехорошим главбуховским прищуром и хваткой стального капкана.

Её крайне сложно было вывести из себя какой-нибудь глупостью, типа укола по поводу лишнего веса:

– Дорогая, а это вовсе не лишний вес, а жизненный опыт и харизма, накопленные в стратегически важных местах! – это её выражение ушло в массы и активно употреблялось колле-

гами.

Начальство, после недавнего балансирования на грани банкротства и внезапного спасения главбухом, стало Марию Владимировну очень ценить и даже почти что беречь, подчинённых она подобрала удачно, в семье всё благополучно, и это главное! Только вот, кто же среди этого благолепия подвёл тот самый проклятый провод к её благополучной и спокойной жизни?

Провод внезапно представился настолько ярко…

– Заканчивай поливать слезами еду, – Хантеров так злился, что, кажется, мог бы разнести в клочья весь этот дачный дом! – Поешь и будем думать! Маша! Хватит, я сказал!

– Сссейчас! Дай мне минуту!

Кто бы знал, как трудно смотреть на близкого, очень близкого человека, когда этот человек пытается взять себя в руки, успокоиться, не сорваться в бабский рёв с подвываниями и истерикой. Смотреть можно, тронуть нельзя, даже по-дружески приобнять, даже как обнимают знакомую, когда что-то случилось, и надо просто поддержать…

Хантеров не выдержал и отвернулся – у Машки так тряслись плечи, что она обхватила их руками, словно удерживая себя на каком-то краю, оттаскивая прочь.

– Всё, можешь не рассматривать мои занавески, я уже в порядке! – вполне нормальный голос, разве что хрипловатый. – Тем более, что в полной темноте даже ты, со своими кошачьим зрением, красоту и элегантность их расцветки не

оценишь! Слушай, ты что, и бутерброды успел маслом смазать? Как ты мог, Хунта! Я ж потом в двери не пролезу от своей обильной харизмы… А это тут чего? Ой, мой любимый трёхслойный бутерброд с сыром. Вредный ты! Моя сила воли против такого не устоит.

Машка азартно захрустела хлебной корочкой, принюхиваясь к очередному бутерброду, а потом уставилась на бывшего мужа, застывшего у окна как памятник самому себе.

– Ты не бойся, я рыдать уже не буду, – деловым тоном велела она. – И да… Где там ещё сыр? Чего ты, как последний енот, сыра бывшей жене пожалел!

– Где-то совсем недавно были у меня эти еноты, – невольно призадумался Хантеров, машинально подавая сыр. Правда, тут же спохватился, отобрал его обратно, щедро отрезал, посоветовав беречь пальцы. И уселся на соседний стул, сообразив, что тоже голодный.

– Итак… Что мы имеем, – Хантеров покосился в окно на баню. Его тревожная «сигнализация» – интуиция, явно срабатывала именно в том направлении, не зря же так беспокоился пёс. – У тебя сейчас что на работе?

– Всё отлично у меня на работе, – задумчиво ответила Маша. – Никто не подкапывает, не подсиживает. Даже директор уже не мечтает уволить или придушить, на худой конец… Ну что ты глазами сверкаешь? Это, по-моему, многие директора мечтают сделать, особенно, когда главбух озвучивает сумму налога к уплате или рассказывает о новых сюрпризах зако-

нодательства.

– Месть? Ты кого-то увольняла? Может, не позволила что-то провернуть?

Маша призадумалась.

– Ну был чудак один… Всё пытался пароли директорские высмотреть, но с ним без меня разобрались – сам директор справился. Как-то так креативно справился… – Маша рассмеялась, припомнив дивную реакцию сотрудника на «креатив» директора.

– Увольнять… знаешь, последнее время как-то всё ровно и тихо. Да и потом… Ну отомстили бы вызовом Трудовой инспекции или чем-то в этом роде. Так-то у нас всё в норме, но нервы бы помотали.

– Ладно… А теперь, давай к самому трудному… Маш, как у тебя с мужем?

Маша понимала, что этот вопрос прозвучит, даже хотела разозлиться, но в чём смысл? Это она сама Хунту позвала, чтобы он ей помог, так что теперь его по рукам бить?

Судя по всему, сам Хантеров не удивился бы резкой реакции, но его бывшая супруга ответила вполне спокойно:

– Неплохо… Всё тихо, ровно и спокойно.

– А где он сейчас? Я пока добирался, Серёжке позвонил, не пугайся, просто поговорил. Он мне сказал, что ты с Ильёй собиралась ехать на дачу.

– Собиралась ехать с ним, но утром ему позвонили с известием, что его отправляют в срочную командировку.

– И часто это с ним такое бывает? – как можно более нейтральным тоном спросил Хак.

– Случается, – кивнула Маша. – У него начальница нервная, даром, что они родственники – практически семейная фирма.

Её смартфон на столе замигал, показывая, что звонит ей как раз объект их разговора.

– Не бери! – рука Хака закрыла смартфон. – Не торопись…

Хак быстро убрал руку, и Маша покосилась на фото мужа, высветившееся на смартфоне, и невольно вспомнила их свадьбу.

– Ой, Машка, ну после твоего Кирюшки-замухрышки, этот – прям богатырь! – щебетала на свадьбе дальняя и крайне неумная Машина родственница, избавиться от которой можно было только способом турецких ханов, то есть кинув в завязанном мешке в ближайший водоём.

– Ой, мне бы такого мужчину! – продолжала она, восхищённо уставившись на здоровенного широкоплечего Илью, который тепло улыбался невесте.

– Вот дурища… – устало думала Маша, потихоньку убираясь подальше от родственницы. – Да, на вид Илья привлекательнее, конечно, но… Так! Не смей! Опять начинаешь?

Плакать на собственной свадьбе было как-то неловко, чай не девица, пришлось срочно приводить себя в норму.

– Ты же сама всё знала, всё решила, Илья всё понимает…

Чего ты опять как последняя курица разнюнилась?

Да, Илья прекрасно был в курсе, что невеста его не любит… и относился к этому вполне спокойно:

– Маш, я так сдохну скоро… Никаких больше сил нет. Мне бы хоть немного пожить спокойно. Давай попробуем, а?

– Слушай, ну жениться-то зачем? Если тебе так нужно поменять обстановку, дешевле просто куда-то уехать, сменить работу, всё сменить! – пыталась уговорить его Маша.

– Ты не понимаешь… Мне семья нужна. Я один не выживу, – он тяжело вздыхал, тянулся за её рукой, как за спасательным кругом, снова и снова сбиваясь на самое больное… – Да, я всё понимаю, Владику надо всё самое лучшее, он младший брат, свет в окошечке и для родителей, и для нашей старшей сестры, но чтобы ему ещё и Ленка моя досталась… И все считают, что это правильно, представляешь?

Маша представляла. Ну в самом-то деле… Ей хватило один раз сходить в гости, чтобы всё осознать.

– Дааа, а я-то воображала, что это мне плохо! Да какое там плохо! Мне отлично! – думала она, глядя на ритуальные танцы семейства вокруг их младшего сына Владичка и его Леночки, которая совсем недавно была женой старшего брата.

Сам этот факт, оказывается, страсть как оскорблял всё семейство:

– Да мы все удивились, как Илья такую жену себе отхватил! Я сразу подумала, что вот бы её Владиньке! – заявила

матушка Ильи, сходу вызвав у Маши шоковое состояние.

– Хорошо хоть в кухне разговариваем, не в комнате, где Илья сидит! Они его что, вообще как мебель воспринимают? – думала она.

Дело обстояло примерно так, как Маша себе и представляла. Причём это было, как видно, какое-то заразное состояние, потому что и бывшая жена Ильи теперь воспринимала младшего брата как нечто прекрасное и великоценное, а старшего, то есть бывшего мужа, как человека недостойного своей красоты и всего прочего.

– Маша, ну ты сама посуди… Как можно сравнивать Илью и Владика? Ничего, что я с тобой так откровенно? – щебетала яркая красавица-Лена, вытащив опешившую Машу на балкон «поболтать по-девичьи». – Если бы я сразу Владика видела, нипочём бы за этого бирюка замуж не вышла! Ой… Это ничего, что я про него так? Да? Ну ты же уже и сама всё о нём поняла… Просто Владик в Европе жил, он и не приезжал… А потом приехал… И я просто пропала!

Маша невольно припомнила младшего сына Ильи, который родился примерно через десять месяцев после приезда младшего брата из «Европ» и с преувеличенным вниманием уставилась на собеседницу.

– Интересно, а пропала-то она когда именно? Хотя… ну какое моё дело? Если Илья уверен, что малыш его, значит так и есть! Его-его… Или сын, или племянник. Фу-фу-фу-ууу вообще-то. Но если ему намекнуть на это, он вообще в

депрессию впадёт.

Илья и так выглядел как человек, близкий к полному упадку сил.

– Ну оно и понятно… В обычной семье муж, обнаружив, что гм… избыток кальция в организме отложился в районе макушки, старается свалить от неверной жены в сиреневую даль и видеть её как можно меньше, а Илье-то это не под силу! Это ему всё семейство скопом посылать надо, а на это он, по-моему, не способен.

Инстинкт самосохранения в голос вопил о том, что уматывать нужно от этих ненормальных, да подальше, подальше. А извечное женское-российское «ой, жалко-то его кааак» уговаривало хотя бы попробовать и помочь бедолаге, пока его совсем не притоптали и не закопали любящие родственники.

Помог старшему брату, как ни странно, Владичек. Неосознанно, конечно. Причина была очевидна – Маша ему не понравилась совсем. Нет, в смысле, это он ей очевидно не понравился, а таких странных людей следовало избегать!

Ну в самом-то деле… Как ОН может не нравится? А она смотрит вежливо, но как-то хмуро и без восторга.

Сигнал к игнору «толстой Илюхиной главбухши» был подан в аккурат после того самого визита брата и его Маши.

– Илюша, ты же не обидишься, если мы не все к вам на свадьбу придём? Понимаешь, это же странно будет, если Ленка с Владичкой явятся… Ну бывшая жена на свадьбе –

плохая примета, да? – смеялась в телефонную трубку Лариса – сестра Владички и Ильи. – Я и родители в ЗАГС приедем, а в ресторан не пойдём, а то Владик с Леной обидятся.

На что мог обижаться брат – было не очень понятно, но и Илья, и Маша были только за!

– Меньше такого народа, значительно больше кислорода! – решила невеста. – И это правильно, а то жених уже на грани… Разведённой я уже была, а вдовой как-то пока неохота!

Да, сама Маша отчётливо понимала, что влезла в эту историю исключительно для того, чтобы хоть немного позабыть о бывшем муже. Понадеялась, что, выйдя замуж за его полнейшую противоположность, сможет найти хоть какую-то опору. Правда, сначала опорой придётся стать самой.

– Глядишь, займусь спасением утопающих, и сама потихоньку выгребу, – подумалось ей.

Вопрос с финансами они решили просто – Илья платил алименты на двух своих детей, а так как зарабатывал он примерно столько же, сколько и сама Маша, то выделять что-то на её сына и дочь, просто физически не мог. Да ей и не надо было – Хантеров перечислял деньги регулярно, правда, она их не трогала, решив накопить на что-то приличное детям.

Ей заработка хватало на насущные детские нужды, еду покупали вскладчину с Ильёй, квартплату за Машину квартиру вносили тоже вместе.

Илья оказался совсем неплохим – мягким, очень спокой-

ным, очень размеренным. Да, занудливым и экономным, но эти качества он до поры старался держать при себе.

С Машиными детьми общался с удовольствием. Решал задачки Серёжке, мастерил изумительный дом с мебелью для Насти.

– Мне сыновей-то видеть не очень позволяют, так хоть тут душу отвожу, – говорил он Маше.

Пока его семейство держало его на расстоянии, всё было вполне-вполне нормально, но вот меньше трёх лет назад в их семейной фирме случился катаклизм и им срочно потребовался специалист Илюшиного профиля.

– Илюшка, давай, спасай! Ну не справится семья без тебя. Отрывайся от своей жёнушки и давай к нам – ты нам нужен! – скомандовал младший брат, его массированно поддержало семейство, и Илья уволился с работы, перейдя в подчинение к сестре, руководящей подразделением.

– Маш, ну я же им нужен! Как я могу их бросить? – виновато спрашивал он у жены.

– А как они тебя могли бросить, отнять у тебя всё и ноги вытирать? – хотелось прокричать Маше в ответ, но она только зубы покрепче стиснула – без толку это говорить, раз он всё уже сам решил.

Вот с того момента и стал он пропадать в гостях у родителей, привозя оттуда отвратительный привкус чужих разговоров, интонаций, отраву досужего любопытства о чужих деньгах, постоянное их обсуждение…

Глава 4. Дивнородственное семейство

Маша, которая сама всю жизнь работала с чужими деньгами, их никак не воспринимала как средство для возможной покупки собственных материальных ценностей. То есть, если ей надо было положить на депозит несколько десятков или сотен миллионов рублей, принадлежащих организации, и в голову не приходило прикидывать, а сколько квартир можно на эти деньги купить… Это ж деньги организации – чужие, не её, табу!

Её деньги лежат в кошельке и на её личных счетах. Вот только на них и можно рассчитывать.

Разговоры Ильи о деньгах, почерпнутые в родительской семье, и его внезапно проявившийся интерес к тому, сколько присылает Хантеров, Машу раздражали чрезвычайно. Спасало только то, что говорить об этом он стал относительно недавно, да и времени особо его выслушивать у неё не было – работа, дети, их уроки, мама, хозяйство и дача забирали всё время и силы.

Правда, когда она пришла вчера вечером домой, выслушать все рассуждения мужа о деньгах ей пришлось, так сказать, в полную громкость. Не поссорилась она с ним вдребезги только потому, что не было сил – устала донельзя, но

рассердилась изрядно.

Именно это раздражение и распознал Хак, внимательно наблюдающий за Машкой, правда, принял его на свой счёт.

– Не злись… Мне нужно знать. Это не пустое любопытство.

– Да я понимаю. Просто… Мне трудно тебе о нём рассказывать.

– Ты бы знала, как мне трудно о нём спрашивать, – невесело хмыкнул Хантеров. – Слушай, он же тебе весь день не звонил, да? Пропущенные только мои?

– Но он же в командировке, занят был…

– Да и пожалуйста, – щедро разрешил Хантеров. – Я к тому, что ничего с ним не случится, если он ещё немного понабирает, а мы с тобой в подвал спустимся. Очень мне там кое-что интересно посмотреть.

– Как скажешь, – Маша, пожалуй, даже обрадовалась, что сейчас с Ильёй говорить не надо. А подвал… Ну что там может быть такого?

Вот как раз там-то и было кое-что очень интересное!

Хак, спустившись по лесенке, порассматривал потолок, посветил куда-то в угол, туда, где был подвальный продух, хмыкнул, а потом подошёл к трубам, которые были подведены к ванной и присвистнул.

– А вот теперь я тебе, Маша, с полной ответственностью могу сказать, что тебя мало того, что точно хотели убить, но и то, что как минимум один из этих желающих – мужчина.

– Один из… То есть их несколько? – Маша попятилась. Вот уж этого она точно не ожидала. Ярко представилась группа из каких-то алчных чудовищ, жаждущих её гибели. Показалось даже, что темнота по углам зашевелилась, оживая, протягивая к ней лапы.

– Ну куда ты? Сейчас свалишься, – хмуро предупредил Хантеров, но она не среагировала. – Маша, осторожно! Приямок!

– Кто такой приямок? – успела подумать Маша, осознав, что под ногой пустота…

Разумеется, Хантеров её выдернул оттуда до того, как её сегодняшняя коллекция «приятностей» пополнилась сломанной конечностью.

– Маш, не истери. Вон, посмотри сама. Видишь? Трубы? – он подтянул её к нужной стене.

– Вввижу, – согласилась она, послушно уставившись на стенку.

В самом-то деле, вот они, трубы. Не иголка чай… А в голове лихорадочно крутилась жутковатая мысль о том, что в покушении может быть виноват Илья… Ну не мама и дети точно! Двоюродные братья и сестра? Тётка? Знакомые или кто-то по работе? Но им-то зачем?

Показалось, что стены подвала сжимаются, и ей просто нечем дышать.

Нет, когда она увидела провод, то мысль о том, кто именно мог это сделать, разумеется, возникла, но Маша задвину-

ла, отложила её до приезда Хантерова. А вот теперь всё вернулось, да с прибытком.

– Надо уйти отсюда! Уйти, пока я тут не упала… – мысль была проста и понятна, и Маша ухватилась за неё.

Правда, осуществить это несложное действие сразу не вышло. Всё как всегда – Хантеров сам решал за них обоих, что, как и когда они будут делать…

– Смотри! – Хак крепко держал её за плечи, чтобы опять никуда не рухнула, и, не касаясь рукой труб, показывал то, что она должна была увидеть. – Смотри, тут металл, и тут металл, а вот это?

– Вставка какая-то? Что за ерунда? – возмутилась Машка, сфокусировавшись на двух трубах – потолще и потоньше. Это ей помогло прийти в себя – трубы были её собственные, родные, никто без её разрешения не имел право их трогать, а тут явно какое-то безобразие понаделано!

Странноватый взгляд Хантерова она не заметила, ровно как не обратила никакого внимания на его руку на её собственном предплечье.

У неё была мысль, и она её думала, стараясь не распыляться ни на что другое, кроме непонятной вставки на трубах, не допускать к себе иные рассуждения, кроме самых насущных, чтобы не сорваться в настоящую панику.

– А это не ерунда, Маш! – вздохнул Хантеров.

– Это кто-то сильно заморочился – приехал к тебе на дачу, предварительно выяснив, что никого из вас тут не будет,

привёз инструменты, вскрыл дом, просверлил отверстие под ванну, провёл провод, замотал один его конец на ножку ванной, а второй – вывел через продух. Как я подозреваю, вывел к бане, подальше от дома. Но у тебя трубы в ванной металлические, если пропустить ток, то, кроме порушенных в хлам предохранителей со щитком, ну и неких спецэффектов на воде, ничего особо страшного не будет. А вот если разорвать цепь, то есть порезать металл и сделать в нём вот такие вставки из пластиковых труб… Сама понимаешь, что может быть.

Маша закрыла руками лицо и всхлипнула – очень уж ярко представилось…

– Не плачь, мы разберёмся. Да, так вот, я понимаю, что женщины у нас много чего умеют и знают, так что, если бы дело было только в электрике, это могла бы быть и женщина, но просверлить отверстие и резать металлические трубы, да ещё так ровненько, да чтобы стену за ними не задеть… Нет, всё-таки это скорее мужчина!

Она боялась, что не справится с голосом, но всё-таки спросила:

– Думаешь, Илья? Но зачем ему? – спросила и осеклась…

Хантеров внимательно посмотрел на неё и то, что он увидел, ему не понравилось. Машка вообще-то к истерикам была не склонна. Держалась даже когда ему несколько раз сильно доставалось в процессе «работы с конкурентами», ездила к нему в больницу, никогда не выплёскивая на него свой

страх или неуверенность. А вот сейчас она перепугалась. Так перепугалась, что едва сдерживается.

– Настолько любит этого Илью, что даже мысль о его причастности невыносима? Хотя… во всей этой ситуации есть кое-что хорошее. Просто отличное.

– Маш, пошли наверх. Я тут уже всё увидел, что было нужно, и думаю, что в комнате нам будет удобнее поговорить, да? – он развернул её и поддержал под локоть, пока она не схватилась за перила.

Маша покивала, шагнула к лестнице, не увидев, что Кирилл за её спиной вдруг широко улыбнулся.

– А реакция-то прошла! – Хантеров дальше улыбался уже про себя, сохраняя абсолютно невозмутимую физиономию на случай, если Машке придёт в голову обернуться. – Не было счастья, так несчастье помогло!

Расположились в комнате сына – она была дальше всего от ванной, Машка машинально ушла именно туда и уставилась в окно, за которым царило торжествующее августовское полнолуние.

– Маш, ты не сердись, но в таких случаях первым под подозрение попадает именно муж… – начал Хак.

– Давай-ка подумаем, есть ли у него мотивы?

– Есть… – невесело вздохнула она. – Понимаешь… Он человек зависимый… Нет, не от меня. От своих родителей, сестры, брата. Там ещё и с женой бывшей история, – Маша очень кратко и схематично описала ситуацию. – Пока он с

ними не общался, всё было чудесно, а вот потом они его позвали на работу, и он стал меняться. Словно вливали ему в уши яд, и он действовал, действовал…

Хантеров хмыкнул. Подобных типов на «дистанционном управлении», он отлично знал, использовал в работе по мере необходимости, презирал, но отлично понимал, что это натура – никуда не деться.

– Я только недавно начала вслушиваться в то, что он говорит… Понимаешь, работы очень много – объём огромный, да я ещё подработку взяла…

– Зачем? Тебе что, денег не хватало? – сухо уточнил Хантеров. – Сказала бы мне.

– Кирилл, я же не беру на повседневные траты то, что ты присылаешь. Не шипи на меня. Я сняла алиментные деньги, передала их маме, она купила две квартиры – Серёже и Насте. Потом по дарственной передала их мне. Я… Я не имела права рисковать недвижимостью детей, а так она получилась застрахована от дележа, если вдруг что…

– Умная аж до слёз! – рыкнул Хак. – От дележа при разводе она квартиры спасла, зато сама себя под удар подставила. Ты хоть соображаешь, что именно это, скорее всего и стало причиной покушения? Какие квартиры ты купила, зачем? Я же тебе сказал, что детей обеспечу! Я для чего тебе деньги высылаю? Чтобы ты на работе гробилась?

– Не ори, – Маша как-то разом припомнила, что жить с Хантеровым всегда было вообще-то непросто. Он непремен-

но всем командовал, распоряжался и за всех всё планировал. Всегда. Правда, и она уже немного не та.

– Не смей на меня кричать. Да, я попросила твоей помощи, но это не значит, что дала тебе право учить меня жизни.

– Да лучше бы поучилась! – Хантеров всегда знал, что практически единственный человек, который способен вывести его из себя – вот эта самая зараза, которая сидит напротив. – Интересно, с этим тюфяком-Ильёй ты тоже так разговариваешь?

– Нет… Ему… Ему в голову не приходит мною руководить и управлять.

– Ну да, ну да… Зато, вполне возможно, пришла в голову чудная идея устроить тебе купание с электрическим разрядом. Чтобы уж наверняка. Ты что, не соображаешь, что он получит одну четверть всего? У тебя что есть? Четырёхкомнатная квартира, две однушки, машина? Явно какие-то деньги на личном счету? Дача… Дача твоя или тёщина? – Хак по привычке упорно именовал Машкину маму тёщей.

– Мамина… Была… Но она мне её подарила на прошлый день рождения, – всхлипнула Машка.

– Ещё в копилку! – фыркнул Хантеров. – Квартира в хорошем районе, дорогая квартира. Дача в отличном районе тоже недешёвая… Маша, включай голову и думай! Кому выгодно?

– Я понимаю, кому… – тихо сказала она. – Просто трудно поверить, что… что из-за денег. Ладно, а почему ты сказал,

что «как минимум один человек»?

– Потому, что твой расчудесный Илья в командировке. Да, сделать вид, что уезжаешь, проще простого, но это глупо – полиция его проверит в первую очередь. Судя по тому, что кто-то явно ошивался у вас за баней, должен был быть ещё один персонаж – тот, кто включит устройство. Я не думаю, что городили что-то сложно-техническое. Это менее надёжно, потому что толком непонятно, когда именно ты залезешь в ванну, да и смысла нет – потом надо будет убрать провод из-под ванной и кинуть в неё какое-нибудь устройство типа ноутбука или планшета, на худой конец смартфон на удлинителе… Вроде как ты читала, а потом сама случайно его уронила. И, несмотря на заземление, тебе этого разряда вполне хватило.

– А трубы? Их же не заменить. Они-то видны будут.

– Да кто будет обследовать подвал, если всё и так очевидно? Муж – в командировке с полным алиби, жена устала, приехала на дачу, решила расслабиться, полезла в ванну с каким-то средствам развлечения – фильм посмотреть, к примеру. Возможно, там уснула, не удержала ноутбук или что они там планировали, ну и всё, – буднично и бодро расписывал Хантеров.

– Я тебя прямо боюсь! – невесело сообщила ему Маша. – Хотя, тебя боюсь гораздо меньше, чем… того, кто решил это сделать.

– Думаешь, что это всё-таки не он? – как можно более

нейтрально уточнил Хантеров.

– Не знаю…

– По крайней мере, даже если это его расчудесное семейство, информацию они всё равно получили от Ильи, да и ключи тоже. Могли, конечно, выкрасть, сбегать сделать дубликаты, а потом вернуть… Маш, ты о чём так задумалась?

А она вспоминала разговор, который произошёл примерно через год после того, как муж вернулся на работу к родным. Маша терпеть не могла ходить к ним в гости, после этого хотелось не просто вымыться с мылом раз десять, но и пемзой потереться – возникало очень яркое чувство, что она вывалялась в какой-то особо липкой и вонючей грязи. Но тут пришлось идти – юбилей у Илюшиной матери был священен и к посещению обязателен.

Машу сразу оккупировала Лена – бывшая жена Ильи, теперь ставшая ей невесткой.

– Ой, вы как? Не решили ещё ребёночка завести? Нет? А, ну да… Тебе ж уже сорок? Поздновато! Ничего, что я так откровенно? Да? Мы же родственницы! А вот мы с Владиком очень хотим, но что-то не получается. Я проверялась – всё нормально, а он… ну ты знаешь мужчин, он нипочём не признает, что это у него проблемы, тем более что один-то малыш получился, – тут Лена слегка призадумалась, а не сказала ли что-то лишнее, но так как мозгов у неё, по глубокому Машиному убеждению, было примерно как у белки, то через секунду она уже щебетала об успехах младшего сына,

напрочь игнорируя старшего.

– Получается, что у Лены с Владиком есть родной сын, который официально числится младшим ребёнком Ильи. То есть, если что-то достаётся Илье, то всё это, можно сказать, уже в кармашке у любимого сынулички. Ну да… То-то же вокруг младшего такие хороводы водят и бабушка с дедом, и тётушка родная, даже сам Владик на него не надышится, – думала Маша, вылавливая в памяти отрывки рассказов Ильи.

– Маш! Ты что-то важное вспомнила! – уверенно заявил Хантеров.

– Погоди… Дай додумать…

– Думай вслух, – предложил он.

Маша помолчала, собираясь с мыслями, а потом рассказала о сложных взаимоотношениях в семье, доставшейся ей в «приданое» вместе со вторым мужем.

– Ничего себе! Красиво его… сделали! – хмыкнул Хантеров. – О! Смартфон твой опять заливается… Давай-ка ты возьми трубку и скажи, что сегодня очень устала, спала весь день, если спросит про ванную, не вздумай что-то лишнее говорить или плакать! Отвечай, что так вымоталась, что даже на это тебя не хватило, и не хватит – ты уже в постели и спишь. Поняла? И поставь на громкую связь и запись, – распорядился он.

Маша только вздохнула – в этом был весь Хунта. Что, как и когда ей говорить он и раньше продумывал доскональ-

но… Впрочем, в конкретном случае лучше не бузить, а послушаться.

– Машенька! – голос Ильи звучал так, словно он стоял рядом. – Родная, как ты? Я тебе звоню-звоню… Извини, что днём не получилось – работы очень много было! Владька просто покоя не давал.

– Да что ты врёшь-то? – голос деверя заставил Машу замереть, но Хантеров успокаивающе перехватил её запястье и закивал головой, мол, всё в порядке, продолжай.

– Прикинь, Машук, твой супружник такой лентяй. А кстати, чего это ты трубку-то не брала? Небось, гостей принимаешь, пока муженёк в отъезде? – легкомысленный смешок демонстрировал шуточность замечания.

– Не стоит всех судить по себе, Владичек, – ядовито пропела в ответ Маша, и деверь явно поперхнулся.

– Владик, вали со своими шуточками! – прогудел сердито Илья. – Маш, не обижайся, это у него чувство юмора такое дурацкое! Но я и правда волновался. С тобой всё хорошо?

– Да, просто устала так, что приехала и уснула.

– А сейчас какие планы? – опять влез Владик. – Небось, всю ночь колобродить будешь? Ну выспалась же?

– Нет, вот закончу с МУЖЕМ разговаривать и обратно спать пойду, сил нет совсем. И да… Может, ты всё-таки дашь нам поговорить?

Деверь опять неопределённо хохотнул и зачастил шутливо:

– Да я что? Я ничего… Не обращайте на меня внимания… А! Я тут фоточку тебе сейчас пришлю, ну чтобы ты спала себе спокойно и не волновалась – твой муж в надёжных родственных руках. А то, мало ли… Ревновать ещё начнёшь! – опять смешок. – Лови, Машук!

Брякнуло сообщение и на экране показалась «фоточка» – дурачащийся Владик хватает за воротник ветровки серьёзного и чуть насупленного Илью на фоне ярко освещённого огромного кованого дерева во Дворце земледельцев в Казани.

– Вот, видишь, Машук, у нас тут всё так невинно! Хороводы вокруг дерева водим! – разглагольствовал Владик, напрочь перебивая попытки Ильи что-то сказать.

– Ладно, Владичка, развлекайся как умеешь, главное Илью воротником не придуши, а то что-то ты очень уж увлёкся… – сухо порекомендовала Маша, попрощалась с мужем и отключила смартфон.

– Нда… Видишь как… и уточнили, а почему собственно, ты в ванночку не полезла, и своё алиби продемонстрировали. Следовательно, смартфон макать в ванную не собираются – на нём нужное фото имеется, – прокомментировал Хак. – Нечего на меня смотреть взглядом василиска. Я не виноват.

Глава 5. А просто поговорить

– И да… Что за имя такое? Машук… – сухо процедил Хантеров.

– Это Владик так развлекается. Ему это кажется забавным, – пояснила Маша. – Он такой, знаешь ли… Весельчак.

– А! ну это бывает! – кивнул Хантеров. – Ладно, насколько я понимаю, сегодня тебя уже убивать не будут, а завтра – посмотрим.

Маша переменилась в лице, и Хак про себя выругался – неудачная шутка, что ни говори.

– Извини, привык среди своего коллектива… Одичал, наверное.

– Ничего… Пора мне привыкать к реальности, – невесело усмехнулась Маша. – Как думаешь, кто у бани был?

– Судя по тому, что ты рассказала, думаю, или сестра Лариса, или матушка мальчиков Илюшечки и Владички, а по совместительству твоя свекровь. Вряд ли они стали бы вмешивать кого-то со стороны, а отец там, как ты рассказывала, не очень активный. Хотя и его могли послать.

– Вряд ли – у него застарелый радикулит. С таким в зарослях особо не поползаешь, а у нас вокруг бани джунгли.

Маша смотрела на полную луну и чувствовала, что вполне способна выйти на крылечко и завыть, как собака.

– Маш, у тебя такой вид…

– Нормальный вид, особенно с учётом того, что от меня собираются избавиться. И вообще, не нравится, не смотри!

– То-то и оно, что нравится, – виновато развёл руками Хантеров.

– Тогда смотри молча и не критикуй! А ещё лучше не майся дурью, а скажи, что мне теперь делать? Завещание срочно написать и оповестить Илью и его родичей?

– Это выход, конечно, но они могут решить, что есть смысл попытаться его опротестовать.

– Ты имеешь ввиду, у тебя есть план лучше? – уточнила Маша.

– Разумеется – спровоцировать их. Завтра ты покопаешься в огороде, устанешь, пса запрёшь… Ну хоть в гараж, типа, чтобы он не топтал то, что ты рыхлила и копала, а потом пойдёшь в ванну. Ты же любишь, когда дома никого нет, двери в ванной до конца не закрывать… Вот и будет видно через окно, что ты там свет включила, вошла и долго не выходишь.

Маша посмотрела на него с таким ужасом, что он пересел на стул напротив и уже уверенно взял её руки в свои.

– Маш, сейчас нельзя уходить в сторону, понимаешь? Это не пьяная ссора, когда люди завелись, схватились сдуру за что-то острозаточенное, позамахивались друг на друга в запале, их вовремя удержали, а, протрезвев, изумились, а чего это они? И будут дальше изумляться да радоваться, что им не дали беды натворить. Нет, Маш! Это хладнокровные планы, предварительный сговор людей в семье… А если они

всё-таки решат рискнуть и опротестовать завещание? А если просто не поверят в то, что оно существует? Нет, это и проверить-то можно, но кто их знает? И ведь со злобы могут что-то сделать.

– Страшно! – Маша почти не дышала, пока он говорил, поэтому с жадностью вдохнула воздух. – Мне страшно, понимаешь?

– Конечно, понимаю. И мне за тебя страшно.

– У твоих детей нет запасных матерей? – невесело уточнила она.

– И это тоже, и ещё кое-что. Потом расскажу, – Хантеров улыбнулся. – Ты не бойся особенно, я утром свяжусь с нашими, они выйдут на прокуратуру и на полицию, так что подстраховка в любом случае будет. Это ж мечта – сразу получить раскрытое преступление с готовыми доказательствами, преступниками, но без жертвы.

– Мне бы твой оптимизм! – тоскливо вздохнула Маша. – Ты когда поедешь?

– Куда поеду? Нет уж… Я остаюсь тут и завтра посижу в доме, понаслаждаюсь отдыхом, свежим воздухом и одним из зрелищ, за которыми наблюдать можно вечно – за твоим копанием в земле.

– Главное, в ванной не плещись! – в тон ему ответила вредная Маша. – Не буду врать… мне стало спокойнее, спасибо тебе. Я тогда тебе сейчас здесь постелю.

Хантерову очень хотелось уточнить, что Маша собирает-

ся делать со своим браком, но он решил не задавать этот вопрос.

– Если Илья в курсе происходящего – тут и спрашивать нечего, а если не в курсе… Ну Машка на законченную мазохистку не похожа… Всё равно выгонит его. Да, сглупила, конечно, с этим браком, но с этим уже покончено! Хотелось бы мне узнать, она поняла, что… у неё прошла та реакция на меня? Не заметила? Да и то сказать – пока ей и не до того.

В корпорации Мироновых, да и в некоторых сопредельных организациях курсировали немного мистические слухи о способностях главы службы безопасности… Если верить им, он чуть ли не мысли умел читать, видеть сквозь стены, да и вообще… Обладал какими-то сверхспособностями.

Хантерова это откровенно забавляло, слухи он не пресекал, напротив, любил слегка подбросить дровишек в огонь, подхлёстывая разговоры.

– А что? Для работы очень полезно! – посмеивался он, спиной чувствуя опасливо-восхищённые взгляды.

Вот сейчас ему страшно хотелось понять, о чём думает его бывшая жена… Но, увы и ах, Машка всегда обладала таким прихотливым мышлением, что угадать не представлялось возможным.

А думала она о… кошке.

– Даш… Даша… кс-кс-кс! Да где ты! – она беззвучно позвала в приоткрытое окно и через пару минут на подоконнике нарисовалась любознательная расписная трёхцветная

мордочка. – Ты моя умница, моя красавица! Что бы я делала, если бы не ты… Ой, наверное, уже ничего бы не делала! Совсем… Так, сейчас нельзя об этом! Не сметь об этом думать! Надо Кириллу постель перестелить, уточнить, что ему на завтрак… Веришь, я десять лет не готовила ему завтраки. Хотя, сейчас важнее покормить тебя ужином, сокровище моё!

Ощущение, что она забыла о чём-то важном, промелькнуло в голове и исчезло, не выдержав напора голодной кошки.

Кошка ела и истошно мурлыкала, Маша её гладила и беззвучно плакала. Просто потому, что страшно было себе представить иной расклад.

– Что, если бы ты не стала царапать и открывать ту решётку? Что, если бы я не пошла посмотреть? Если бы решила, что ничего страшного, может, так и нужно? А если бы Хунта не приехал?

– Не плачь, я приехал бы в любом случае! – негромко проговорил за спиной её бывший муж. – И да… Ты так славно с ней разговариваешь, что мне даже завидно стало. Поговори со мной, пожалуйста. Не об этом деле, с ним мы справимся, а просто так. Мы же с тобой сто лет не разговаривали.

– Всего десять… – невесело усмехнулась Маша.

– Для меня сто!

Маша обернулась. Да, подталкивала её некая вредная составляющая сказать что-нибудь ядовитенькое, колюченькое, но она быстро запинала это желание подальше, ибо ядовитые

колючки хороши для верблюдов и жирафов, а её бывшему мужу они ни к чему.

– У тебя, Хунта, с хронологией из рук вон плохо! – сообщила она Хантерову. – О чём ты хочешь поговорить?

Сто лет… А ведь тут он был прав… Сто лет они не разговаривали просто так. Даже до развода вечно не хватало времени то у него, то у неё, всё казалось, что вот ещё немного, и они смогут пообщаться просто так. Не о делах или о детях, не о вопросах, которые надо решать, не о поездках или покупках, а просто о том, о чём хотелось рассказать друг другу и услышать мнение человека, сидящего рядом – руку протяни. Но времени всё не находилось… И ведь запросто могло бы не найтись никогда…

Луна неспешно двигалась по небу, расталкивая собой звёздный свет, под окном в цветнике беззаботно валялся Малыш, временами шумно вздыхая о чём-то своём, собачьем, кошка Дашка перебралась с подоконника сначала на руки Маши, а потом пошла знакомиться с Хунтой, признав его кошкопонимающим и вообще приятным, а они всё разговаривали… Словно очень скучали друг по другу, словно им так друг друга не хватало.

Первой опомнилась Маша.

– Сколько времени? Сколько-сколько? Ой, мамочки! Хунта, ты же весь день сегодня был в дороге, да и так, наверное, устал… И завтра будет нелёгкий день, как я понимаю. Иди спать. И да… Спасибо тебе. Я не знаю, как бы без тебя спра-

вилась и сумела бы вообще что-то сделать.

– Не за что, – отозвался Хантеров, который был бы не против и до утра поговорить, благо мог спокойно обходиться без сна немного больше, чем это обычно принято, но Машка выглядела такой утомлённой, что, и правда, лучше было дать ей отдохнуть. – Ты это… обращайся, если что.

Машка фыркнула – он точно повторил интонации волка из советского мультфильма «Жил-был пёс».

– Счас споёшь? – поинтересовалась она, вдруг вспомнив, что Илья никогда не понимал этой игры фразами, считал это баловством и ребячеством.

Хантеров, дурачась, изобразил беззвучный вой и ушёл, вручив Маше уснувшую у него на руках кошку.

– Вот что-что, а с котами он всегда ладил, – сообщила Маша разочарованной кошке. – Ну что ты так расстроилась? Он и завтра тут будет – он же обещал!

Маша была уверена, что не уснёт – слишком много всего случилось, слишком страшным был вчерашний день, а ужас перед тем, что ей ещё предстоит, заставлял судорожно сжиматься в комок, но уснула она моментально. Возможно, именно потому, что в доме был Хантеров.

Зато сам Хак и не думал ложиться.

– Ну уж нет… Спускать это дело на тормозах я точно не стану. И даже спрашивать у Машки не буду – она человек жалостливый. Тут же начнётся – понять, простить и отпустить. Ага, как же!

Любой человек, Хака знающий, мог бы посоветовать предприимчивой семейке прятаться как можно дальше и как можно быстрее, а очень хорошо знающие порекомендовали бы и вовсе не суетиться – уже поздно…

К утру был готов план действий, несколько подчинённых были разбужены и осчастливлены новым заданием, а Пётр Иванович Миронов, позвонивший, чтобы уточнить, как дела у приятеля, дал полный карт-бланш на использование ресурсов и связей.

– Чего ты глупости спрашиваешь? – удивился он. – Не просто можно, а нужно! Может, Машу пока к нам пригласить? Что ей там лишний стресс получать?

– Я потом её привезу… Если она захочет, – откликнулся Хантеров. – Но пока нужно, чтобы её тут видели.

– Ну смотри сам, – Миронов отлично знал о сложных взаимоотношениях друга с женой, которая даже после развода в категорию «бывших» почему-то не перешла. Так что Петра Ивановича обрадовало даже не совсем уверенное обещание Хака привезти Машу.

***

Маша любила свою дачу – детская любовь, когда в окрестностях знаешь каждый куст и дерево, выросла в счастье приезжать туда, где всё помнит тебя маленькую… Она даже утром, просыпаясь, обязательно касалась стены у кровати и беззвучно здоровалась со своим домом.

– Доброе утро? Да, дом? – обыденное приветствие, а ка-

жется, что дом откликается, что от стены тепло…

– Ну, надеюсь, что сегодня всё получится хорошо! – подбодрила себя Маша, вставая с кровати, хотя больше всего хотелось залезть под неё и пролежать там весь день, изображая из себя кошку.

Ей не нужно было уточнять, что будет на завтрак Хантеров – с закрытыми глазами могла бы всё приготовить, так что, когда он вошёл на кухню, безошибочно ориентируясь по запаху, его уже ждал пышный омлет, посыпанный сыром.

Сторонний наблюдатель ничего странного в происходящем в доме не уловил бы…

Да, вот есть женщина, активно копающаяся в земле, что-то поливающая, рыхлящая и пропалывающая, рядом с ней крутится трёхцветная кошка и здоровенный лохматый пёс.

– Малыш! Не топчись по цветам! – Маша специально говорила довольно громко, чтобы наблюдатель, если он есть, не удивился, почему она на ночь закроет пса. – Ох, ты и слоник!

Когда у дома остановился фургончик с рекламой мебельного магазинчика на борту, Маша, припомнив инструкции Хака, открыла им ворота и запустила машину на участок.

– Привезли, шкафы, да? Замечательно! Вносите… Ой, только осторожнее, тут ступеньки!

Наблюдатель, который припарковал машину на заброшенном участке в соседнем проулочке, куда выходил бок Машиной бани, злобно прошипел:

– Какие тебе ещё шкафы, дура! Тебе гораздо больше саван бы пригодился. Ну ничего-ничего… Недолго осталось! Только и горазда, что деньги тратить!

Косой взгляд на баню, к наружной стороне которой был протянут провод с «кнопкой для ванны», успокаивал и внушал надежду на справедливость.

Нет, правда, почему ей всё? А? Почему она имеет четырёхкомнатную квартиру неподалёку от метро «Парк культуры», дачу в хорошем районе Подмосковья, да ещё так просто может позволить себе прикупить две классные однушки? Почему ей всё? Потому, что бывший муженёк платит отличные алики, да дед с бабкой оставили в наследство ту самую квартирку, а мать подарила дачку? Ну, и где справедливость? Ей, значит, всё, а у звёздочки, маленького Севочки, сына Владика, ничего подобного в жизни и не будет! И всё почему? Потому что кому-то достаётся счастье на блюдечке с золотой каёмочкой, а кто-то бьётся с проклятым бизнесом, который на ладан дышит и всё норовит развалиться. А с чего отдавать кредиты, которые тянут последние жилы и грозятся лишить жилья Владика и Севочку?

– Жаль, что всё забрать нельзя! – прошипел наблюдатель, сжимая руки, лежащие на руле. – Ну хоть четверть, да получим! Кредиты закроем, и Севочке останется… Давай же, курица тупая, лезь в свою ванну, а то мне потом ещё подчищать много чего надо!

Давно были занесены напрасно купленные «курицей»

шкафы, давно уехал фургон, а эта дура ещё и подыграла – закрыла здоровенного пса, которого наблюдатель собирался «накормить» кое-чем таким, после которого псина не стала бы больше мешать.

– Ну хоть что-то в своей жизни нужное сделала! – похвалил Машу наблюдатель. – А… Ну понятно. Она весь день копалась, грязная, уставшая, теперь попрётся в ванночке загорать и отдыхать. Спокойного вечного сна!

Спустился августовский тёмно-бархатный вечер, в доме зажёгся свет, потом погасло всё, кроме той самой золотистой полоски из ванной, и наблюдатель глубоко и довольно вздохнул.

– Ну ещё немножко! У неё в ванне выход сливного отверстия металлический, так что контакт будет отличный… чуток ещё подожду, чтобы уж точно расслабилась – так проще потом будет изобразить картину несчастного случая, – наблюдатель покосился на пакет, где лежал планшет, перегоревший из-за случайного попадания в таз с водой. – Так… пора!

Одно движение пальцев погрузило дом в темноту. Лёгкий шум донёсшийся оттуда, вполне соответствовал ожиданиям.

– Добро пожаловать в реальность! – прошипел человек, ловко ныряя в предусмотрительно оставленную дыру в рабице, закрытую густейшими зарослями. – Ну теперь самое неприятное – навестим уже не нашу Машу!

Небольшая фигура, кажется, была соткана из темноты, да-

же более тёмной чем ночь, она решительно подошла к дому, открыла запертую входную дверь ключами и канула в чёрном дверном проёме.

Глава 6. Триллер под дачной луной и русалка в ванной

План дома был заучен наизусть, более того, даже разведка неоднократно проведена. А что? Долго ли достать у тюфяка-Ильи связку ключей, сбегать в ближайшую мастерскую и заказать дубликаты, вернув оригиналы значительно раньше, чем их хозяин задумается о том, где ж его ключики.

– Так, по коридору налево, – тень беззвучно диктовала сама себе, что и как надо делать.

Тёмный провал в ванную казался склепом, да почему казался? Он и был склепом.

– Машшшша! – словно зашуршали пожухлые листья, но имя прозвучало слишком тихо, надо погромче. – Маша!

На этот раз вышло как надо, даже, пожалуй, громковато – эхо отозвалось где-то в глубине дома, заставив пришельца занервничать.

– Молчит! Ну, значит, всё получилось, как надо! – подбодрить себя оказалось нелишним, потому что, войдя в ванную и включив фонарик, наблюдатель наткнулся на тёмный силуэт, склонившийся лицом к воде.

Сердце забилось сильнее. Всё-таки страшно, очень страшно вот так увидеть… Главное не думать, что это сделано тобой. Главное не смотреть на силуэт, на светлую русую голо-

ву, склонённую к мертвенно-тусклой воде, на волосы, плывущие по поверхности как водоросли. Волосы, которые шевелятся от струй, текущих из утопленной в глубине ванны душевой лейки.

– Маша! – нет, если бы силуэт пошевелился, повернулся к вошедшей тени, она бы не растерялась – ударила бы что есть силы в висок. Даром, что ли, в кармане лежит припасённый самодельный кастет?

Но нет… Не двинулась, не шевельнулась, да и как могла бы? После такого удара током не выживают.

– Вот и замечательно! – сообщила тень. – Всё по плану!

Планшет, как раз подаренный этой самой Машкой своему муженьку, и им же бесславно утопленный в тазике, где отмачивались на засолку огурцы, с тихим плеском нырнул в ванну.

– Ну, не поминай лихом! – насмешливо сказала тень. – Даже жаль, что ты, дурища, так и не узнаешь, кто тебя прикончил!

Бравада была хороша, но всё-таки, когда в ванной были закончены все дела и проклятое место осталось за спиной, дышать стало легче.

– Ничего, осталось немного – спуститься в подвал, убрать оттуда провод, смотать его, убрать все следы крепежа со стены бани и чао!

Для того, чтобы спуститься в подвал, нужно добраться до кухни – это ровно пять шагов, а потом…

Потом тень замерла, услышав какой-то звук, явно донёсшийся из ванной.

– Что? Кажется, что-то плеснуло? – сердце, уже почти успокоившееся, забилось часто-часто, а потом чуть не остановилось, когда звук повторился, но уже гораздо увереннее, ярче. Словно кто-то взялся мокрой рукой за бортик ванны и… встаёт.

Надо было срочно вернуться назад, проверить, и если не померещилось… Закончить начатое, можно даже просто приложить головой о бортик, мало ли – от удара током так дёрнулась, но…

– Она не могла выжить! – всплыла невозможная мысль. – Если шумит не она, тогда кто?

Шаг назад в направлении ванной, мог быть продиктован только стремлением сделать всё, что только можно для своих самых любимых мальчиков, и это был самый тяжёлый шаг в жизни. Зато, когда тень увидела слабый, холодный зеленовато-голубой свет, шедший из-за полуоткрытой двери, она кинулась бежать, не разбирая дороги, бежать прочь из ожившего ночного кошмара.

Входная дверь не могла быть так далеко! До неё было всего несколько шагов, а казалось, что несколько сотен метров, и всё это расстояние тень преодолевала, словно в страшном сне, когда рад бы убежать поскорее, но воздух вокруг сгущается, не пускает, вязнет в ногах…

Удар ладонями, одетыми в ярко-жёлтые плотные резино-

вые перчатки, пришёлся на ручку и одновременно на центр двери, она должна была распахнуться, но этого почему-то не произошло.

– Почему? Почему дверь закрыта? Я её не запирала! – забилась в голове мысль, подгоняемая невозможными, невероятными звуками, почему-то слышными так отчётливо, словно прямо над ухом опять плеснула вода, послышался шлепок босой ноги по полу, потом ещё один, словно то самое существо, которое задвигалось в ванной, окончательно выбралось из воды и теперь идёт… Куда идёт?

Невысокая, крепко сбитая женщина в тёмной одежде обернулась и с диким ужасом уставилась на свечение, выплывавшее из ванной, на мертвенно-бледную и тоже светящуюся голую руку, схватившуюся за дверь.

– Аааааа! – убийца с неожиданной силой ударила кулаками в дверь, налегая всем телом на дверную ручку, раз другой, третий, и дверь поддалась, выпуская её из дома.

Нет, она не собиралась оборачиваться, но машинально сделала именно это, ясно и отчётливо разглядев, что показавшийся из-за двери ванной бледно светящийся силуэт, медленно и неотвратимо движется за ней.

– Иййииииии! – она никогда в жизни так не верещала, как когда выскочила из дома, захлопнув за собой входную дверь и приперев её тяжеленной скамьёй, стоящей на веранде.

Глухой удар в дверь и неожиданно раздавшийся у неё над ухом плеск воды прервал визг, словно её заткнули.

– Она… Она идёт за мной! – чёткое понимание невероятного и немыслимого, подхлестнуло женщину, она развернулась на ступеньках, чтобы бежать к машине, и тут же налетела на какого-то человека, отпрыгнула от него, тяжело задышала.

– Что случилось? Вы так кричали, – негромкий голос явно живого существа, словно открыл шлюз, напрочь смыв чувство самосохранения и привычную сдержанность.

– Там… Там… Она мёртвая и идёт за мной! – заспешила женщина.

– Зачем? – сухо спросил человек. – Мёртвые обычно никуда уже не ходят.

– Она за мной… Я… Я её ууубиилааа! – за спиной снова послышался стук и отчётливый плеск, и женщина кинулась к человеку, неосознанно ища защиту у живого от… от неживого. – Слышите? Слышите?

– Нет, я ничего не слышу, – мужчина перехватил запястья кинувшейся к нему женщины. – Наверное, это вам кажется. Да и как бы вы могли кого-то убить?

– Лааариииисаааа, – плеск воды и почти беззвучный голос, который женщина узнала бы теперь из всех голосов мира, раздались уже по ЭТУ сторону двери, заставив женщину закричать от ужаса и попытаться спрятаться за человека, даже не задавая себе вопрос, кто это и как тут оказался?

– Так как вы убили и кого? – снова спросил мужчина, чуть тряхнув Ларису за запястья. – Говорите!

– Нннневестку, там невестка за мной идёт, жжжена бррра-та! – у неё зуб не попадал на зуб, но говорила она вполне внятно. – Убббиллла тттоком.

– Ну это же произошло случайно?

Новый плеск над ухом и тихий стон полностью пресёк попытку Ларисы что-то сообразить.

– Нееет! Я специально! Мы… Я хотела, чтобы она умерла. Чтобы всё брату и его сыну досталось!

– Машиному мужу?

– Нет! Не Илье, другому брату. У нас кредиты, заложено всё, что только можно, а Владик и Сева останутся без всего, а у неё деньги, понимаете? У неё много денег! Ну вы же должны меня понять! Они для меня самое дорогое! Я обязана была им помочь! Владик пилил трубы и провёл провод, а я должна была нажать кнопку… Я должна была его спасти, выручить!

– Убив человека? – лица мужчины Лариса не видела, но голос почему-то стал страшным.

– Да хоть всех! – крикнула она, попытавшись высвободить руки. – Пустите, кто вы вообще такой?!

– А об этом, дорогая моя, надо было раньше спрашивать! – человек медленно поднял голову, отступил от ступенек, увлекая её за собой, и Лариса испугалась ещё больше, если это можно вообще себе представить.

На лицо незнакомца упал свет от полускрывшейся за облаками луны, и Лариса судорожно вздохнула – она никогда в

жизни не смотрела на кого-то, полностью сознавая, что вот этот человек может прикончить её за пару секунд и, даже более того, ХОЧЕТ, просто ЖАЖДЕТ это сделать.

– Кто вы? Отпустите меня!

– Отпустить вас? Ну это вряд ли… – смешок прозвучал так, словно за ней захлопнулась последняя дверь, ведущая к отступлению.

Попытки ударить его, пнуть в пах, в голень, дотянуться руками до его шеи, оказались не просто постыдно бесполезными, но и вовсе не ощутимыми для мужчины. Он хладнокровно, отработанным движением вывернул руку Ларисы так, что она и двинуться не могла, не сломав себе кисть.

– Всё сняли? – буднично спросил мужчина, и безлюдный двор внезапно наполнился людьми.

– Да, всё! Можно её забирать?

– Кто вы? Откуда? – завизжала Лариса.

– Кто? – тихий, различимый только ей голос над ухом заставил Машину золовку замолчать, словно ей кто-то рот заткнул. – Тот, кто с наслаждением свернул бы тебе шею, если бы у меня не появилась идея получше…

А потом громко:

– Забирайте. И мы договорились, да?

– Да, всё так и сделаем! – люди в форме возникли как из-под земли, перехватывая застывшую Ларису.

– Ну хотя бы я её прикончила! – прошипела она.

Ледяной смешок был ей ответом.

– Вы лучше подумайте, о том, как красиво сдали своего братца! – посоветовал ей Хак. – И, благодаря вам ему уже не выплыть.

Лариса уставилась на него с таким ужасом, что он мог бы даже её пожалеть… Когда-нибудь в другой жизни.

– Нет! Владик не виноват! Это всё я и… Илья! Это он! Владик не мог бы… – закричала Лариса.

– Идёмте, гражданка, идёмте. Мы разберёмся и кто, и как! – пообещал ей кряжистый мужчина, руководящий задержанием. – Всех проверим! – добавил он.

И крик перешёл в тонкий непрекращающийся визг.

Потом, когда Ларису, бьющуюся в истерике, уже увезли, сотрудник прокуратуры, сочувственно поглядывая на бледную до синевы Машу, записывал её показания.

– Да, Лариса младшего брата всегда выделяла и любила беззаветно. Замуж она не вышла, детей нет и не будет – возраст уже, ей пятьдесят один год. Разница с Владиком у них приличная – шестнадцать лет, он вырос у неё на руках… Так что она, похоже, воспринимает Севу как своего внука…

– Я больше ожидал бы свекровь… – задумчиво произнёс сотрудник прокуратуры, переглянувшись с полицейскими.

– Они всегда выступали единым фронтом, но с возрастом свекровь больше занимается домом и внуками, то есть, конечно, в основном младшим, а Лариса вышла на передовую – взяла на себя управление фирмой, ну и так, стала лидером в семье.

– Фирму она разорила, как я понимаю? – Хантеров кивнул показавшейся в дверях своей сотруднице, которая уже вытерлась, оделась, стёрла светящуюся краску, а теперь закручивала мокрые волосы в пучок, чтобы не мешали.

– Да, Лида, идите, спасибо, вы справились отлично. И напомните там ребятам, чтобы оборудование у двери сняли. И внутри, и снаружи.

Маша проводила «убитую» взглядом и попыталась сфокусироваться на вопросе.

– Ну не совсем… Она замахнулась на расширение, всё мечтала выстроить для Севы крупную компанию, они сантехникой занимаются… Начала участвовать в тендерах по регионам, даже кое-какие выиграла, но Владик понабрал кредитов, ну и… – она закрыла лицо руками.

– Маш, всё… почти всё уже закончилось… – услышала она голос Хака, и с усилием спросила:

– Думаешь, она правду сказала про Илью? Кто из них? Или оба?

– Думаю, что только Владик, – невесело отозвался Хантеров, которому страсть как хотелось, чтобы это было не так. – Понимаешь, первый подозреваемый – это муж. Его должны были чуть не под микроскопом рассматривать. А если бы заподозрили, то никакого наследства он бы не получил и все усилия насмарку. Хотя это мы тоже проверим! – пообещал Хантеров, переглянувшись с полицейскими.

– А как? – осторожно уточнила Маша, опасливо покосив-

шись на Хантерова. Очень уж её впечатлили его методы.

Илья ничего не мог понять. Он звонил жене целый день, но трубку она не брала.

– Да где Маша? – заволновался он, обращаясь к брату.

Впрочем, тот тоже был обеспокоен. Ночью его разбудил звонок с незнакомого номера, но он, разумеется, звонок не принял – явно какие-то мошенники были или ошиблись номером. Выспаться не удалось, а теперь ещё сестра запропала…

– Где Машка понятно, а вот куда Ларка делась, вот в чём вопрос?! – раздумывал он. – Ну ладно, кнопку нажать – это несложно, а дальше? Может, сама под напряжение попала? Валяется там в той же ванной или в подвале? И что делать?

Мать с отцом тоже переживали и названивали дочке постоянно, но её телефон упорно был вне зоны действия сети.

– Точно в подвале, идиотка! – злился любящий братик. – Задание было – проще не придумать, а она напортачила! Теперь как всё это разгребать? В любом случае, надо поехать и посмотреть, что происходит! А куда Илью девать? А! Точно! Скажу, чтобы Ленка его придержала – мол с детьми надо побыть. Пусть сама пойдёт, ноготки сделает или ещё чего-нибудь этакое, что она там хотела…

– Знаешь, Илюх… Что-то ты ничего не соображаешь, – младший брат критически осмотрел старшего. – Так о Машке своей волнуешься?

– Ну да… Что-то же случилось, раз она трубку не берет!

Я уже и тёще позвонил, и детям написал – она на связь не выходила.

– Ну ладно… Так уж и быть, поехали в Москву. Всё равно толку с тебя сейчас никакого. Вот будет хохма, если она тебя бросила и с кем-то крутит!

– Рот закрой! – хмуро посоветовал ему Илья.

– Да ладно, ладно тебе, уже и пошутить нельзя! – хохотнул Владик, изо всех сил изображая весёлость.

Вернулись утром, Владик съездил вместе с Ильёй к ним домой, разумеется, Машки там не было.

– Кучеряво живёте! – хмыкнул Владик, в очередной раз остро позавидовав чужому. – Вот обидно будет, если она тебя попрёт отсюда, да?

– Ты дурак совсем? Да мне бы найти её! – переживал Илья. – Поеду на дачу.

– Погоди, давай к нашим заедем, Ленка просила, что-то там твои сыновья хотят.

Эта отмазка действовала всегда, так что от присутствия Ильи удалось отделаться.

– Да, лучше бы ночью съездить, но на весь день отвлечь дурня не удастся! – думал Владик, подъезжая к Машиному дому. – Ну, вперёд!

Глава 7. Вечный мальчик во взрослых интерьерах

– Кирилл Харитонович, объект прибыл, – раздался голос подчинённого, и призадумавшийся Хак пожал плечами:

– Кто бы сомневался, что он даже до ночи не дотерпит. Встречайте!

– Есть встречать! – весело отозвались в рации.

Владик поставил машину ровно там же, где раньше стояла машина сестры, осмотрелся. Дачный проулочек был абсолютно безлюден.

Где-то беззаботно верещали дети, над одним из глухих высоченных заборов взмывал и снова падал вниз разноцветный надувной мяч, и Влад мимолётно позавидовал тем, кто с ним играет. Он бы тоже не отказался снова стать маленьким. А что? Удобно. Попроси – всё дадут! Из-под земли выроют, но дадут, особенно, если сделать вид, что очень расстроен, плачешь и никак не можешь утешиться.

Он всегда был большим специалистом по таким штукам – ему в принципе нельзя было отказать. Мать покупала ему всё, во что он тыкал пальцем, отец, гордясь младшим сыном, который родился вылитой его копией, старательно зарабатывал деньги на все его пожелания, старшая сестра надышаться на него не могла, старший брат уступал и поддавался ему

просто потому, что иначе на него накидывалась вся семья.

– Эх, и почему нельзя вечно быть мальчишкой? – вздохнул Владик, старательно отвлекая себя от того, что могло случиться с Ларисой.

Сестра… Она всегда была рядом. Заботливая, прикрывающая все проказы, закрывающая глаза на проступки. Даже когда она, влюбившись в коллегу, стала уделять брату меньше внимания, и он, разъярённый этим, наврал её жениху с три короба, тем самым напрочь их рассорив, Лариса не стала к Владичке иначе относиться – он всегда знал как подольститься, выдавить слезу, умоляя его простить, как признаться, глотая воображаемый комок в горле:

– Лар, я понимаю, у тебя жених… Но я как представил, как же буду без тебя… Я не смог, прости меня. Я просто испугался, что тебе больше не нужен! – если такие финты выдаёт мальчишка в тринадцать лет, чего ждать дальше?

Правильно – дальше будет больше! Потребности росли, ему становилось тесно на финансовых семейных просторах, да душновато показалось под плотной опекой обожающих родных, вот он и решил, что за границей-то точно сможет развернуться в полную силу.

Развернулся быстро, сворачиваться пришлось ещё быстрее – оказывается, прижать хвост распоясавшемуся баловню совсем несложно, и если бы он был менее самолюбив, то прибыл бы домой сразу, как только закончились деньги… Но все равно хватило его ненадолго – всего три года он от-

сутствовал, а когда приехал, то выяснилось, что Илюха женился, да не просто женился – отхватил себе изумительной, ошеломляющей красоты девчонку, прилично младше его.

– Ну куда ему такая? Обойдётся! – решил младший братик, нимало не смутившись наличием у девицы мало того, что мужа, но ещё и маленького сына.

Беременность Ленки стала для Влада сюрпризом, впрочем, он был не против – почему нет? Ленка нравилась, хотелось привязать её к себе покрепче, а обо всём прочем позаботятся родители и сестра.

Шок Ильи от того, что жена его бросила и переметнулась к младшему брату, прошёл мимо Владика, словно вечнопараллельная прямая.

– Илюха расстроен? И что? Порасстраивается и успокоится, – только и прокомментировал он переживания брата о разводе с Леной.

А потом случилось неожиданное – он полюбил сына. Малыш был копия он сам, даже странно, как этот баран-Илья ничего не понял, но факт остаётся фактом, Владик был готов на что угодно, чтобы у сына было всё-всё, что только он пожелает.

Правда, одного желания было маловато, а здраво управлять компанией, которую отец к тому времени уже передал Ларисе, он не умел. Кредиты брались, чтобы затыкать дыры в бюджете, но по какой-то странной причине, этих финансовых прорех становилось всё больше и больше, и под конец

стало понятно – надо что-то делать, иначе… будет плохо.

– Где бы денег взять? Где? – страдал Владик. Страдания были объяснимы… Отец нипочём не соглашался распечатать неприкосновенный запас в виде недвижимости, которую приобретал себе и матери «на пенсию», уговорить его не удавалось, деньги нужны были всё больше и больше… А потом он случайно услышал краем уха разговор родителей, Ларки и Ильи.

– Ничего себе! И ты реально слышал, как она с матерью обсуждала покупку квартир для своих сопляков? – уточняла Лариса. – Неслабые алики платит её муж. Он кто вообще?

– Да почём я знаю? Она как партизан, про него ничего не говорит. Сказала только, что это всё детям и меня не касается. Правда, я случайно слышал, что он где-то в охранке работает.

– Значит, что-то ворует! – уверенно заявила мать, обожавшая прикидывать, кто и что украл.

– И с этого алики платит? – удивилась Лариса.

– Ну мало ли – детей так любит.

Это было понятно, они все тоже любили… Владика.

Потом Владик начал выпытывать у Ильи, сколько чего есть у его жены, благо, разговоры о деньгах у них в семье всегда очень уважали, и оказалось – есть очень даже прилично! По самым скромным подсчётам даже пятой части этой суммы хватило бы покрыть все кредиты и ещё осталось бы.

– А почему пятой? – вдруг подумалось Владику. – А

сколько там полагается Илюхе, если вдруг что с его благоверной случится?

Коротенький расчёт впечатлил Владика так, что он решил поделиться своими мыслями с сестрой и нашёл в ней полное взаимопонимание.

– Она мне тоже никогда не нравилась! – приговорила невестку Лариса. – Илюха детям что хочешь отдаст, так что главное его жену того… А потом, считай уже всё в нашем кармане. А как сделать? Ну чтобы Илью не заподозрили – иначе ничего не получим.

Когда Владик был за границей, пришлось ему разными вещами заниматься, в том числе, как он выражался, руки «мастеровой работой пачкать», так что худо-бедно, но кое-чему научился.

– Я делаю, ты включаешь. Поняла? У меня и Илюхи стопроцентное алиби! Мы ещё и в ресторан закатимся с партнёрами, чтобы нас уже никто не заподозрил, а ты… Кто тебя будет подозревать, если слону понятно – женщине такую трубищу точно не порезать!

На том и порешили. Ключи у Илюхи изъяли элементарно, планшет опять же, не выбросили, а приберегли – тоже пригодился. Командировку им Лара выписала и дело срочное придумала, а сама…

– А сама напортачила где-то… Ну что за человек! – бормотал Владик, продираясь сквозь хищные кусты крапивы. – Ну Машка и хозяйка… Была. Понавырастила тут всякого…

Дом стоял пустой и молчаливый, входная дверь оказалась открыта, и Владик осторожно нажал на ручку, предусмотрительно натянув на руки прорезиненные рабочие перчатки.

– Маша! – окликнул он негромко. Чисто на всякий случай…

Тишина.

Он прошёлся по дому до ванной, заглянул туда и отпрянул – свет из окна напротив отлично осветил светловолосую голову невестки, видневшуюся над бортиком.

– Так, сюда я не захожу. Зачем мне? Мне не надо! – забормотал он, борясь с тошнотой. – Узнать бы, где эта дура-Лара!

Приметный яркий пакет, в который Владик сам закладывал перегоревший планшет, валялся у двери ванной и честно доложил Владику, что Лариса тут была и по крайней мере эту часть плана точно выполнила.

Да куда она могла деться?

Крышку, закрывающую вход в подвал, он распахнул даже слишком энергично, она ударилась о стену рядом, и дом осуждающе загудел, так, что Владик аж присел перед зияющим тёмным лазом, правда быстро пришёл в себя и заглянул внутрь.

Подвал у Машки был огромный, так что свет смартфонного фонарика не сильно-то ему и помог.

– Лариса! Ларка! Где ты?

Тишина.

– Надо лезть! – он спустился по лестнице вниз, но как

только отступил от последней ступеньки, крышка люка с немыслимым грохотом обрушилась вниз.

– Эээй! – заорал Владик, поспешно ринувшись на ступени. – Эйййй, кто там! Что за шутки! Выпустите! Кто там?

Он колотил в крышку кулаками, пока не устал и не отбил ладони.

– Наверняка, я слишком сильно откинул крышку. Может, там какая-то пружина скрытая была, вот крышка обратно и захлопнулась, – решил он.

Потом, видимо, от безнадёги, ему пришло в голову уточнить, а нет ли в подвале сестры?

Светя себе фонариком смартфона, он обошёл подвал, замирая от каждого предмета, лежащего на полу, но Ларисы нигде не было, а вот провод, уходящий в продух – был!

– Не понимаю! Я ничего не понимаю! Она, что? Не сняла провод? Не была тут? А кто тогда кнопку нажал, чтобы Машка того? Может, перепугалась того, что сделала и свалила? Куда?

В принципе, думать и просчитывать он умел – не зря отлично манипулировал родственниками.

– Могла попасть в аварию! Да, точно! Мне же ночью звонили, а я трубку не взял! Может, по поводу Ларки? – он схватился за смартфон и с ужасом понял, что сети нет!

Забегал по подвалу, силясь найти точку, откуда можно было бы поймать сеть, но подвал, а точнее, некое устройство, установленное подчинёнными Хантерова, напрочь га-

сило сигнал.

– И что мне теперь делать? – взвыл Влад. – Что мне делать?

– Ну теперь-то уже ничего! Всё, что ты мог, сделал! Молодец, садись, два! – хмыкнул Хак, прослушав завывания страдальца. – Так, достаём Лиду и тихонько выпускаем её из дома, она может быть свободна.

– Понял! – чётко отрапортовали в ответ.

К вечеру ужас положения навалился на Владика всей своей тушей.

– Ничего себе ситуация! Я застрял тут, с проводом и вставкой в трубы, а над моей головой труп и выйти я не могу! Чё делать-то? И когда меня найдут?

Мысль о том, что вообще-то могут найти очень нескоро, пришла в голову Владика, когда уже наступила ночь. – Где этот дурень-Илья? У него жена пропала, а он там… С моей женой прохлаждается?

Он был несправедлив к брату. Илья, которого к сыновьям подпускали не очень-то часто, повозился с ними, потом мать, изведённая тем, что не только дочка пропала, но и сын куда-то подевался, стала требовать немедленного принятия мер! А когда вернулась Лена, встревоженная долгим отсутствием звонков от Владика, Илья, обдумав ситуацию, решил, что надо начинать с начала – с пропавшей жены.

– Она была на даче, туда я и поеду! – решил он.

– Да что мне твоя Машка! Где твои брат и сестра? Где? –

белугой выла мать. – У них какие-то дела были, они всё шушу, да шу-шу по углам. Так я уж решила, не мешать, да не лезла. Ларка-то с Владькой с малолетства возилась, я ж с отцом работала, а Лара с маленьким всё время сидела, так что его лучше всех знает, да ладит, а вот теперь они оба пропали! Езжай их ищи! Что с твоей коровищей-Машкой будет?

– Ой, а они что-то про Машкину дачу говорили! – глупая Лена обладала отличным слухом и даже помнила то, что слышит. – Правда, сразу ушли, как только меня заметили!

Всё это она говорила уже в спину Ильи, который торопился к входной двери.

Маша, съёжившись и прихватив на руки кошку, сидела в доме напротив – они с владельцами дачи дружили с детства, ключи у неё были. Сами соседи переехали в Крым, а дачу оставили под Машиным присмотром.

– Хунта! Ты мне можешь объяснить, чего мы ждём? И сколько ты думаешь держать у меня в погребе этого…

– Твоего деверя? – невинно уточнил Хантеров.

Машу передёрнуло.

– Ну что ты? Юридически так и есть…

– Ты это специально, – она, сердито прищурившись, смотрела на Хака. – Не надо мне таких родственников!

– Маш, ну тогда придётся разводиться… Нет, я могу, конечно, свернуть аппаратуру и забыть в твоём подвале этого деятеля на веки вечные, но сдаётся мне, твоей маме будет не хватать места, куда можно спрятать картошку и соленья.

– Заканчивай издеваться.

– Да я и не думал даже… Просто предлагаю поразмыслить над будущей твоей жизнью, – мягко улыбнулся Хак. – Илья был не в курсе того, что затеяли его родственники, но узнать о твоей недвижимости они могли только от него.

– Я ему не говорила.

– А маме? С мамой-то вы разговаривали, явно он слушал. Ну а потом родичей развлекал. А ещё, очень мне интересно, сейчас-то он где? Ну вот смотри, из командировки они оба уже спешно приехали – Владик сообразил, что сестрица не выходит на связь и примчался её искать. Его логику я понимаю, а вот твой-то где? Ну ладно… Владик его мог отправить куда-то, но Илья взрослый мужик, у которого внезапно исчезает жена. Ты можешь представить, чтобы меня в подобной ситуации кто-то мог куда-то отправить, чтобы я тебя не искал? Разве что на тот свет!

Шум машины и писк рации прервали их разговор.

– Кирилл Харитонович, приехал Илья, – доложил голос из рации.

– Хорошо, встречайте, – велел Хантеров и повернулся к Маше. – Ты мне можешь кое-что пообещать? Пожалуйста!

– Что именно?

– Побудь здесь. Не выходи, пока я тебя не позову. Так надо!

Она смотрела с сомнением.

– Маш, прошу тебя!

– Хорошо…

Глядя в спину Хантерова, Маша пожала плечами.

– В конце концов, наименьшее из того, что я могу для него сделать – послушать его совет! Он, конечно, тот ещё хитрец и великий интриган, но мне никогда в жизни не вредил, а сейчас и вовсе спасает изо всех сил!

Она походила по первому этажу, потом по второму – в пустых комнатах гулко отдавались её шаги, а потом решила, что нечего страдать от безделья, и, достав купленные Кириллом по её просьбе щётки, принялась вычёсывать поочерёдно кошку и пса.

Илья вышел из машины, посмотрел на тёмный дом, а потом решительно направился к нему.

Открытый замок его озадачил, он даже ручку подёргал, следующей причиной для изумления стал неработающий свет.

– Что происходит, а? Маша! Ты тут? – тишина его смутила. – Лариса! Владик! – голос звучал всё тише.

Что может понадобиться на даче его брату и сестре он никак не мог понять…

– Ленка опять чего-то напутала! Вот глупая! Но где Машка-то? Машаааа! И почему свет не работает?

Насторожившийся в погребе Владик, расслышав какие-то звуки, остервенело затарабанил по крышке люка.

Глухие звуки привлекли внимание Ильи, и он наконец-то облегчённо выдохнул, решив, что понял ситуацию.

– Ну конечно! Небось, полезла в погреб, а за ней крышка эта дурацкая захлопнулась! Ну Машка, какой переполох устроила!

Он быстро вошёл на кухню, подсвечивая себе дорогу смартфонным фонариком, одним движением откинул с крышки погреба тяжеленный ящик и распахнул крышку.

– Ну Машка, ты меня и напуга… Владик? – он изумлённо уставился на младшего брата, как тогда, когда увидел его впервые, когда его только принесли из роддома. Мама после родов чувствовала себя неважно, и этим странным существом целиком и полностью завладела Лариса. Илье даже казалось, что Лара была недовольна, когда мама брала маленького брата на руки, словно сердилась на что-то… Почему это вспомнилось сейчас? Может, потому что Владик так же недовольно морщил нос и жмурился?

– Убери свет! – проговорил он. – Не свети!

– Что ты там делал и где Машка? – непонимающе уточнил Илья.

– Я туда пошёл уточнить, нет ли Ларки внизу. Её там не было, я хотел уже уйти и тут обвалилась эта проклятая крышка.

– А почему ты поехал её искать именно сюда? И где моя жена?

Владик помялся… Если бы не то, что он точно знал, видел собственными глазами, где именно жена этого болвана, то он бы что-нибудь наврал, непременно наврал бы. Но… Тело-то

куда девать? А ведь Илья её обязательно увидит! Более того, он точно в состоянии понять, что означает утопленный в ванной его личный перегоревший планшет.

– Илюх… Короче, такое дело… Маша того… Ну, её больше нет.

– Что? Что ты несёшь? Где она? – Илья прихватил младшего брата за грудки и сильно встряхнул.

– Не трогай меня! Я тут ни при чём! Ларка… это Лариса решила, что твоя Машка… ну короче, что её надо того… Убрать.

– Что? Не понимаю о чём ты!

– Ну чего ты не понимаешь? Мы тонем! У нас денег нет, зато кредитов море. Ты понимаешь, что твои дети могут на улице оказаться? Нет? Отец у нас упёртый, что осёл, он свою неприкосновенную недвижку не отдаст… Понимаешь? Конечно, ты не понимаешь… Ты ж у нас в тепле за Машкиной спиной притулился. А твоя жена как курица сидит… Сидела на золотых яйцах. Вот Лариса и подумала, что если с ней что-то случится, то четверть всего, что у неё есть – твоё! А потом придумала, как это сделать. Она мне позвонила, когда мы с тобой были в Казани. Я поэтому и заторопился скорее домой! Хотел её остановить.

– Что? Что придумала Лариса? ГДЕ МАША? – вид у Ильи бы практически обезумевший.

– Илюх, брат, ты держись! Машка в ванной. Это… Неживая. Ларка придумала сделать короткое замыкание, пока

твоя жена будет ванну принимать. А ещё решила макнуть туда сломанный планшет, ну помнишь, который ты утопил в тазу с огурцами?

– Какой планшет, с какими огурцами? Маша! – Илья, громко топая ногами ринулся в ванну, помедлив секунду перед приоткрытой дверью, потом решительно распахнул её и уставился на воду.

– Фууууухххх, ну и придурок же ты, Владька! А я-то уж поверил. Я ж так сердечный приступ мог получить! Разве можно так шутить?

– Да я и не шутил ни разу… – удивлённо проговорил Влад, заглядывая в ванную и замирая в немом изумлении. – Как это? Как это возможно! Я же собственными глазами видел тут её тело!

– Ты дурак совсем? Впёрся в ванную, когда моя жена мылась? – возмутился Илья.

– Тут был труп! – заорал Владик, выведенный из себя. – Во всём доме перегорело электричество, валяется пакет от планшета, и я уверен, что в ванной лежит этот проклятый планшет! Поди посмотри!

– Ну ладно, ладно… Был, а сейчас куда делся? Ушёл волосы сушить? – хмыкнул Илья, который, зная шуточки собственного братца, был уверен в том, что тот просто дурачится. – Неужели Ларку и Машку подговорил меня разыграть?

Сложное выражение на физиономии Владика, слишком изощренная подготовка, а главное – предполагаемое участие

во всём этом Маши, которое, если задуматься, было и вовсе невероятным, заставило Илью шагнуть в ванную и посмотреть в воду.

На дне лежал планшет.

– Влад, тут и правда, планшет, – убитым голосом проговорил Илья. – А где тогда Маша?

– Да чтоб я знал!

– Может… Может её не до конца, ну не совсем током ударило? А? Может, она просто…

– Ушиблась об него, а потом вылезла и ушла? – издевательски уточнил Владик. – Единственное, что мне приходит в голову, так это то, что её вытащила Ларка и куда-то уволокла, чтобы спрятать. Я не понимаю, зачем, и почему она меня тогда из погреба не достала? И где она сейчас? Да чего ты воешь?

– Ты совсем придурок? Ты так спокойно говоришь, что моя сестра убила мою жену и уволокла её? Чтобы наследство получить?

– Кстати, всё это ради твоих детей, если ты помнишь! – Владик не собирался сдаваться. – Ты же понимаешь, что мы должны её прикрыть? Она наша сестра, хоть и натворила ужасные вещи!

– Но Маша!

– Машке твоей уже не помочь. А вот тебя могут заподозрить…

– Чего это меня? – изумился Илья.

– Да того, что первым подозревают мужа. А тут, смотри, как у нас всё вырисовывается… Жена пропала, а муж кто? Ты! Возьмут тебя за белы руки и в полицию! И что ты им скажешь?

– Ну…

– А скажешь ты им, что ничего не знал, не ведал, что приехали мы с тобой одновременно и так везде ездили, как сиамские близнецы. Понял?

– Но…

– Да не нокай, не запрягал, как наша с тобой мама говорит! Короче, давай, вылавливай планшет, спускай воду и пошли электричество ремонтировать.

– А Лариса?

– Что Лариса? Ты что, хочешь на родную любимую сестру в полицию донести? Ты доносчик?

– Нет, но моя жена…

– Жена у тебя уже вторая, а сестра единственная, кстати. А может, ты ещё и на меня стучать побежишь, раз я был в курсе аж со вчерашнего вечера и ничего тебе не сказал и в полицию не позвонил? Хотя я просто не верил, что она это сделает! – искусство «нашмыгивать» на глаза слёзы Владик освоил ещё в прекрасные детские годы и, если было нужно, отлично этим пользовался. Вот как сейчас. Даже в темноте, прорезываемой только холодным светом фонарика, было видно, как блестят на его глазах слёзы.

– Давай, беги, доноси!

Звучные хлопки заставили братьев резко обернуться. Во всём доме вспыхнул свет, а коридор у ванной комнаты оказался заполнен людьми.

– Браво! Браво, маэстро! Вам бы, многоуважаемый, в актёры идти… – человек, хлопавший в ладоши был среднего роста и ничем не выдающейся внешности – в толпе мимо пройдёт, не запомнить… Но было однозначно понятно, что именно он руководит всеми этими людьми.

– Кто вы, что вы все тут делаете? – вскинулся Илья.

– Ну как же! Илья батькович… Что же вы меня не узнаёте? Мы ведь с вами в некотором роде связаны…

– Эээ? – Илья всмотрелся. Этого человека в Машином доме он ожидал увидеть в самую распоследнюю очередь. – Кирилл?

– Илья, кто это? И что он тут делает? – забормотал Владик, почему-то преисполнившийся самых плохих предчувствий.

– Это бывший Машин муж, – сухо ответил Илья.

– Охранник? – изумился Владик.

– Нет, я не охранник, но вас это уже не должно волновать. Собственно, вас уже ничего не должно волновать, кроме того, как на очной ставке вы объясните вашей Ларисе, что вы тут нагородили…

– Кто вам поверит? И записи суд редко принимает, а я скажу, что всё говорил под давлением! – уверенно зачастил Владик.

– Да вот тут у нас сотрудники прокуратуры присутствуют и полицейские, а я, вы представляете, какой затейник, даже нотариуса пригласил… Так, чисто на всякий случай… И да… Видео и аудио съёмки велись с аппаратуры, установленной сотрудниками полиции.

Владик, как загнанная крыса, едва в ванну не полез – спасаться от уверенных рук, вытянувших из ванной совершенно деморализованного Илью и потянувшихся за ним.

– Погоди! – Илья смотрел вслед отчаянно воющему брату, которого чуть не на руках вытаскивали из дома, а потом вцепился в рукав Хантерова. – Погоди! А где?

– Что где? – Хак с превеликой брезгливостью осмотрел руку Ильи на своём рукаве и легко её стряхнул.

– Маша. Ну, её тело?

– А вот теперь её тело – не твоё дело! Да и всё остальное тоже! – рыкнул на него Хак и неспешно отправился в дом напротив.

Глава 8. Чистая и незамутнённая радость

Илья заметался. Нет, он пошёл было за первым Машиным мужем, но тут заорал Владик, которого полицейские усаживали в машину:

– Илюха! Спасай! Родителям скажи, срочно, прям сегодня же адвоката наймите! Самого лучшего адвоката! И да, отцу скажи, пусть не жилится, пусть продаёт свою неприкосновенную недвижку! Сейчас не до его глупостей!

Когда Илья проводил машину с братом и повернулся к тому месту, где только недавно был Хантеров, никого уже не было на опустевшей дачной улочке, притихшей от таких событий…

Маша вычёсывала собаку… Взмах руки, и, вместо пыльной шерсти с репьями и кусочками старого малинника, ещё одна полоса на шкуре здоровенного Малыша становится чистой, чуть ли не шёлковой.

– Красавец ты… Умник, – рассказывала разомлевшему псу Маша, вытирая глаза.

– И чего ты плачешь? – уточнил Хантеров, появившийся в дверях. – Всё уже закончилось… Почти.

– Ты ему не сказал, что я жива? – Маша не могла посмотреть на бывшего мужа – почему-то не получалось.

– Да он и не спрашивал как-то… Всё уточнял, где тело…

– Я слышала.

– И теперь рыдаешь из-за этого? – саркастически уточнил Хак. – Ты вроде плаксой никогда не была.

– Я и сейчас не плакса, – вздохнула Маша. – Спасибо тебе. Ты меня спас! Я не справилась бы сама.

– Не справилась бы, – согласился Хантеров, которому почему-то настойчиво казалось, что Маша отдаляется от него, куда-то уходит неумолимо и безнадёжно. – Такая семейка… Такой муженёк. Ну и куда ты собралась?

– Как куда? Домой. Ты же сказал, что всё закончилось… – Маша поднялась с пола, собрала шерсть и щётку, прихватила сумку.

– Там на улице твой супруг бегает! – предупредил Хантеров. – Ищет пятый угол и твоё тело…

– Ну когда-то же мне придётся с ним встретиться, – пожала плечами Маша, которая внезапно так устала, что просто сил не оставалось. – Да и домой надо.

– Слушай, а поехали в Карелию, а? Миронов там дом у озера купил, приглашал тебя…

В комнате было практически темно. Маленькая лампочка старого ночника, оставленного хозяевами на даче, давно не надеялась осветить комнату как следует, смирившись с ролью одинокого светлячка.

– Маш… Поехали, а? Ты просто отдохнёшь и всё… У тебя же отпуск. Да и эти тут поутихнут.

Маша только вздохнула. Дико хотелось согласиться, и пусть весь мир подождёт! Что, неужели же она не имеет право просто уехать? Уже даже рот открыла, чтобы согласиться, но сказала совсем другое:

– Нет, прости, Кирилл. Я не могу, – перед глазами как наяву стоял Илья, который умоляюще говорил ей, что ему нужна семья. А ещё, ещё огромной глыбой наваливалось осознание того, что она обязана… Много чего обязана сделать!

– Вернёшься к нему? – сухо спросил Хантеров.

– Тебе это так интересно? – сверкнула глазами Маша, дождалась кивка явно озадаченного бывшего мужа и добавила: – А слабо пойти и посмотреть?

Ну конечно, он пошёл. В любом случае, надо было подстраховать её первую встречу с тем тюфяком…

Тюфяк так и стоял посреди тёмной дачной улочки, схватившись за голову. Вид абсолютно потерянного во времени и пространстве человека усугублялся неестественной позой – он словно куда-то собирался идти, да так и замер в полушаге.

И весь этот памятник себе нерукотворный сфокусировался на Хантерове, который первым вышел из калитки дома напротив, а потом узрел Машу.

– Маааааашшшшаааа, – долгий вздох эхом пронёсся по улочке, оказав какое-то странное впечатление на громадного пса Малыша, упорно вышагивающего вместе с Машей. Пёс звучно чихнул, а потом ещё и ещё раз – аж в носу у бедняги засвербело.

– Маша, ты жива! – ошеломлённо вскрикнул Илья.

– Как видишь, – она словно со стороны смотрела на высокого, плечистого, симпатичного во всех отношениях мужчину, на то, как он кидается к ней, хватает за руки.

– Маша, Машенька, живая! А мне сказали, что ты… что тебя… нет! Но ты же живая! Какое счастье! Значит, всё замечательно!

Он попытался Машу обнять, но как-то так вышло, что между ними втиснулся соседский пёс, которого Машка давно подкармливала, и глуховато зарычал.

– Эй, а ты тут откуда? Пшёл… Маша, убери его! Что он тут вообще делает?

– Наверное, защищает.

– От меня? – изумился Илья. – Маша, я чуть с ума не сошёл, когда мне Влад сказал… И этот твой, – он кивнул на Хантерова. – Он же знал, что с тобой всё хорошо? Знал же, да? Так почему? Как он смел мне не сообщить, что всё это неправда?

– Смел? Это даже забавно, – хмыкнул Хантеров.

– Маша, почему он тут вообще? Прогони его! – Илья шёл за женой как привязанный.

– Он тут, потому что спасал мне жизнь. И, что показательно, спас, – холодно сказала Маша, входя в дом.

– Ты его позвала? Ты сама ему позвонила? – продолжал допытываться Илья, который среди всего сегодняшнего хаоса и ужаса обнаружил возмутительно-непонятный факт в по-

ведении жены, вцепился в него и никак не мог отпустить… – Почему?

– Нашла под ванной провод, который был закручен на ножку ванной.

– Почему ты не позвонила мне? Почему ему?

– И что бы ты мне сказал? Что я ничего не смыслю? Что это нормальный провод? Что приедешь из командировки и посмотришь? – устало предположила Маша. – А потом я пошла бы в ванную и не вышла бы оттуда?

– Маша! – возмутился Илья, медленно, но верно осознавая, что так всё и было бы.

– Я уже сорок два года как Маша и мне очень хотелось бы подольше таковой оставаться! А не стать жертвой твоих родственников!

– Что ты такое говоришь?

– Правду вообще-то! Истину голимую, – жена вяло отмахнулась от его возмущения.

И тут Илью осенило… Сквозь непроглядную ночь отчаяния прорезался яркий и живительный луч света.

– Маш… Погоди! Но раз ты жива, то… То у них же ничего не получилось!

– Блестящее наблюдение! – похвалил Илью Хантеров, по-хозяйски развалившийся в кресле и начёсывающий голову Малыша, под шумок просочившегося за Машей в дом. Пёс тут ещё ни разу не был и положительно был склонен остаться в этой чудесной будке как можно дольше…

– Пусть он заткнётся! – Илья яростно обернулся на Хантерова. – И убери эту псину из дома!

– Что-то ещё прикажете сделать? – радушно поинтересовался Хак, но Илья, охваченный своей радостью, только отмахнулся от него.

– Маш, но это же чудесно!

– Что именно?

– То, что ты жива!

– Мне тоже так кажется… – пожала плечами Маша.

– И теперь ты можешь забрать заявление! – торжествующе воскликнул Илья. – ну что ты так смотришь? С тобой же всё хорошо!

– Бинго! – снова зааплодировал Хак. – Маэстро, да у вас с братом талант – это семейное! Эй, ты такой тормоз, что уже совсем тупой?

– Заткнись! – Илья даже не обернулся. – Маша, забери заявление!

– Какое заявление? – она обдумывала что и в какой очерёдности должна делать и гомон Ильи ей мешал.

– Ну, заявление в полицию на Влада и Ларису! Их же без этого не выпустят.

– Болезный… Она не писала никакого заявления, – Хантеров увидел, как побледнела Маша и резко поднялся на ноги, отодвинув Илью от неё.

– И забрать она ничего не может. Более того, это же не мелкое хулиганство – в случае покушения на убийство, а мы

имеем дело именно с таким случаем, пострадавший не может сказать, что не имеет претензий и просит убивца простить и отпустить. Так что на эту тему можешь даже не заговаривать! И вообще, что ты за слизняк такой? Твою жену чуть не прикончили твои родственники, а ты теперь её уговариваешь что-то сделать, чтобы их отпустили? Ты вообще в своём уме?

Илья осознал, что его специально провоцировали, только когда замахнулся на отвратительно-наглого типа, который смел что-то ему высказывать в их с Машей доме!

Он-то был уверен, что сейчас одним ударом вышвырнет хлипкого, по сравнению с ним самим Хантерова из комнаты, а получилось всё почему-то наоборот – это он полетел, изумлённо пересчитав организмом угол кресла, дверной косяк, пол в коридоре…

– Большому дубу – большой полёт! – Хантеров злился так сильно, что едва сдерживался.

– Кирилл, не надо, пожалуйста, – Маша моментально погасила желание Хака вышвырнуть этого типа из дома, чтобы к уже пересчитанным поверхностям добавились все ступени и плитки Машиной дорожки, да и калитка у неё тоже очень дружелюбная… С ней тоже можно поздороваться.

– Маша! – Илья поднимался с пола в полном изумлении, щедро приправленным обидой и злостью. – Маша немедленно скажи своему БЫВШЕМУ мужу, чтобы он убирался из нашего дома, а нам ещё поговорить нужно.

Звонок смартфона, истошно заверещавшего в кармане Ильи немного сбил его с патетического тона, он отвлёкся на крайне трудные и эмоциональные объяснения с матерью, забегал по коридору в крайнем волнении, торопливо излагая ей последние жуткие новости, а Хантеров, небрежно отряхнув руки, подошёл к бывшей жене.

– Маш, ты всерьёз собираешься с ним оставаться? Тебя ведь его мамаша просто придушит, ну или Илюшеньку настропалит. Может, всё-таки в Карелию? Если не хочешь, я туда даже заезжать не буду… Просто ты передохнёшь…

– Нет, я не собираюсь с ним оставаться… Просто… Просто мне нужно всё закончить. Самой. Понимаешь? Не прятать голову в песок и нырять в какое-то безопасное место типа Карелии. Я сама всё это начала, мне и заканчивать. Я сейчас вспоминала, как приняла предложение Ильи… Мне казалось, что это самое лучшее, спокойное и надёжное. Что я смогу спрятаться в этот брак как в нору и жить в ней безо всякой опаски. Не вышло, – она горько усмехнулась. – Я, конечно, дура редкая, но два раза по одним и тем же граблям не ходок!

Кириллу очень хотелось спросить, а что она собирается делать потом, но он сдержался – и так сегодня слишком много всего было, не стоит давить…

– Маша! Мама в панике! Мы должны срочно ехать к ней! – ворвался в комнату Илья. – Да пошла ты вон, погань! – заорал он на кошку, опрометчиво вывернувшуюся ему под но-

ги.

Маша ловко подхватила заметавшуюся в ужасе Дашку, прижала её к себе и с ледяным спокойствием погладила её трёхцветную шкурку.

– Не смей пугать кошку. Это, во-первых, а во-вторых, я туда не поеду.

– Маша! Ты что? Там мама плачет, там Ленка в панике!

– Вот ты и давай, езжай, утешай, успокаивай, выводи из паники… Если ты забыл, позволь я тебе напомню – это меня чуть не убили твои брат и сестра. Так что извини, но к ним в дом я больше не ходок. А кошка… Кошка теперь у нас жить будет!

– Маша, у меня аллергия, ты же знаешь! – машинально пробормотал Илья, который всегда с усилием воспринимал новые обстоятельства и резкие перемены.

– Я помню. Но думаю, что наша с тобой семейная жизнь вышла какой-то не очень удачной. По крайней мере, покушение со стороны твоего семейства и твою на это реакцию я воспринимаю именно так. Поэтому завтра я подаю на развод. Вещи твои соберу и оставлю у соседей. Они пенсионеры, практически всегда дома, так что смогут тебе передать. И да, кстати, завтра же утром я пойду и напишу завещание… Так, на всякий случай, ты передай это своей маме и Лене, ладно?

– И кому же ты всё собираешься завещать? – Илье отчаянно требовалось хотя бы немного времени для осмысления событий, но его-то как раз и не было, поэтому он и спросил –

просто чтобы собраться с мыслями, но ответ Маши напрочь выбил его из колеи.

– Кириллу. Я не знаю, что будет завтра, но зато точно знаю, что он никогда не станет ожидать или приближать это наследство!

Хантеров только хмыкнул. Возражать не стал, зато ловко подхватил опешившего Илью под локоть и очень настойчиво вывел его из дома, абсолютно не реагируя на протесты и попытки вырваться, вернуться к Маше, что-то ей сказать, заставить передумать.

– Ты или идёшь спокойно до своей машины, садишься в неё и в целости да сохранности валишь к матери, или вырываешься, потом летишь мордой в калитку, потом ею же в окно собственной тачки, а потом то, что останется, усядется за руль и опять же отправится к матери. Что выбираешь? – прошипел ему на ухо невозможный тип, которого Илья десять лет от души презирал за то, что он упустил такую женщину, а теперь люто ненавидел.

Илья очень хотел что-то ответить… Такое ёмкое, звучное, увесистое и значительное, ударить побольнее хотя бы словесно, но придумал что-то в этом роде, только выехав на шоссе.

– А ведь я даже не знаю, почему они развелись! – вдруг сообразил он. – Маша никогда не рассказывала. Наверняка это было что-то из ряда вон выходящее.

Впрочем, приехав к родителям и застав там форменное светопреставление, он напрочь позабыл о своих раздумьях,

которыми старательно отвлекал себя от произошедшего ужаса.

Мать билась в истерике, поминутно то собираясь бежать и силой добывать дочь и сына, то звонить глубокой ночью всем лучшим адвокатам, то впивалась мёртвой хваткой в мужа, тряся его как грушу с криками о том, что он завтра же должен выставить на продажу свой «неприкосновенный фонд» недвижимости, чтобы заплатить за лучшего в мире защитника, то замахивалась кулаками на Илью – это ведь он привёл в их семью проклятую бабу, из-за которой всё и произошло!

Под утро, когда она, наконец, уснула, Илья уже без сил полулежал в кресле, и тут случилось самое удивительное – к нему пришла Лена.

– Илюшенька, устал? Давай я тебя пледом укрою, – прекрасные глаза смотрели так сочувственно, так понимающе. – Или кофе тебе сварить? Можно я с тобой рядышком посижу?

Зря, ой, зря Лену считали глупой. Уж что-что, а здравого смысла ей было не занимать!

Рассвет умыл тёмное небо, смахнув с него следы предутренних сумерек, уверенно вставало солнце – ещё бы… С его-то практикой!

Лена увивалась вокруг Ильи, планируя срочно съехать вместе с детьми от свёкров и воспользоваться её «разводной» квартирой, которую так благородно отдал ей Илья. Илья, буквально ошалевший от всевозможных эмоций, пытался в них разобраться.

Маша, добравшаяся до своей московской квартиры и потратившая всю оставшуюся ночь на сбор вещей Ильи, собиралась на прогулку с Малышом, которого вместе с Дашкой забрала с дачи.

А Хантерову ни свет ни заря позвонили с работы…

– Кирилл Харитонович, ЧП… У нас на складах хищение. Да, Хабаровский филиал. Вы приедете? Тут сложная ситуация, боюсь, без вас не разобраться!

Глава 9. Главбух на взлёте

Дел было невпроворот! Маша едва успевала поворачиваться, но, с другой стороны, почему-то ощущала такой прилив сил, что диву давалась.

Словно упала с плеч какая-то неловкая, неудобная, связывающая её ноша, и теперь всё прямо горит в руках.

Собрать вещи Ильи? Все, до последней пуговки? Легко!

Заблокировать все номера телефонов семейства Ильи, вычислив даже двоюродных тётушек? Без проблем.

Сменить замки в квартире? Запросто!

Вылизать эту самую квартиру до блеска, чтобы даже духу Ильи там не оставалось – с радостью и удовольствием.

Отправить маме и детям деньги с распоряжением отдыхать на всю катушку?

– Мам, короче, мы разводимся, но тут могут скандалить его родственники, и я не хочу, чтобы это видели Серёжка и Настенька. Отдыхайте. Нет, даже если они чуть пропустят школу – не страшно, мы с ними перед отъездом всё уже купили и приготовили, в первые дни сентября всё равно ничего очень важного не будет, так что школа без них не развалится. Да, я напишу заявление, конечно. Не волнуйся. Как я? А знаешь, мам, отлично! Кирилл? Да, был. Пока не спрашивай. Мне разобраться нужно.

Наведаться на работу заставило чутьё… Именно оно при-

вело Марию Владимировну в офис именно тогда, когда её директор был в расчудесном настроении и без вопросов подписал ей продление отпуска.

– Мария Владимировна, так вы ж ещё тот не отгуляли. Что-то случилось?

– Я развожусь и мне надо время, чтобы вернуться на работу в мирном состоянии. Вы же не хотите вместо меня боеголовку на взводе? – мило улыбалась Маша, ощущая, как за её спиной от убедительности потрескивает яростью пространство. Стоило только вспомнить о Владике и Ларочке, и она вполне-вполне могла бы молнии аккумулировать.

– Эээ, а вы уверены, что вот этого времени вам хватит? – обеспокоился директор, разом вспомнив и про чувство самосохранения, и об отсутствии громоотвода у него за рабочим столом.

– Я думаю над этим… – глубокомысленно заявила Маша. – А с другой стороны, там же квартал будет заканчиваться, и, если что, я на рабочих моментах отыграюсь!

Остро посочувствовав рабочим моментам, Владимир беззвучно подписал заявление на дополнительный отпуск и сообщил сам себе, что вовремя допущенное послабление в дисциплине иногда крайне необходимо для здоровья и выживания коллектива!

– Короче, пронесло… – выдохнули подчинённые у Марии за спиной, а она только усмехнулась…

На дачу она приехала с полным набором новых замков,

машиной, набитой продуктами, моющими средствами и дезинфекцией.

Малыш и Дашка, сходу заняли стратегические позиции и начали наблюдать, как хозяйка отмывает и драит каждый кусочек пола, окон и всех поверхностей, которых могли касаться злобные чужие во всех смыслах люди.

Ванну она залила самой ядрёной дезинфекцией, которую только можно было использовать на даче, а в погребе вымыла даже внутреннюю поверхность крышки люка.

– Фффффсёёё! – к вечеру одновременно закончились и вероятные «грязные места», и силы. – И что вы там замерли и смотрите, как зайцы на деда Мазая?

Пёс и кошка переглянулись, а некто, наблюдавший за Машей из проулочка, чуть не уполз по-пластунски, решив, что обращаются к нему…

Кто бы знал, как замечательно засыпается, когда умоталась до крайности, в комнате прохладно и пахнет чистотой, у дверей посапывает здоровенный пёс, а под боком заводит негромкую песенку счастливая кошка.

Глаза закрывались сами по себе… Вот ещё раз посмотреть на луну, застенчиво заглядывающую через белоснежный тюль и уснуть, вот ещё раз покоситься на беззвучно перебравшегося от двери практически к кровати Малыша, тихонько улыбнуться, послушать блаженное мурлыканье и…

– Когда в тепло из холода, когда во вкус из голода, когда из страха вечного приходишь в светлый дом, пусть песня не

кончается, пусть мир вокруг вращается, пусть кошка улыбается, припав к тебе бочком…

Нет-нет, конечно же, вряд ли Дашка знала такую песню, просто именно так снилось Маше, а ведь всем известно – сны те ещё затейники и обманщики.

Впрочем, на следующий день в обманщиках оказались не только сны…

Глухой утробный рёв поднял Машу с кровати значительно лучше любого будильника… Рррывком и в позицию «кто тут такой смелый, прибью сходу!»

Малыш стоял у окна и лаял на…

– Тааак, это ещё что такое! Поставьте на место мой забор!

Вылетающая из дома сонная, растрёпанная и явно разъярённая фурия изрядно смутила бригаду работяг, споро и дружно выкапывающих старые столбы да снимающих с них рабицу.

– Хозяйка, нас прислали вам того… Забор заменить! И это… Камеры поставить… – зачастил бригадир, припомнив чёткие инструкции. – Всё оплачено и это… Вопросы к… Счас я заказ достану…

Руки у бригадира, напуганного «вылетом валькирии» с кочергой наперевес, мелко подрагивали, на кочергу он косился с опаской, но заказ нашёл и несмело протянул Маше.

Гневный рык она изловила на вылете – чего людей-то пугать? Они, вроде как, и ни при чём.

– Ладно! Ставьте, только аккуратно, чтобы ничего из рас-

тений не помять!

– Ни-ни… Мы того, мы… Тихииихинько, быыыренько! – заверил её бригадир, не сводя тревожного взгляда с мощных взмахов кочергой.

– Да КЫШ! – рявкнула Маша на комара, опрометчиво подлетевшего слишком близко, и он точно упал в обморок, потому что для комариных нервов всякие отмахивающиеся движения – дело привычное, а вот главбуховский рык – убиться и накрыться листиком!

– Хантерррров! – сообщила она Малышу, которого с собой в разведку предусмотрительно не взяла. – Я ж не ррр-разрешила!

Пёс уважительно припал на лапы и застенчиво убыл прятаться под лестницу.

Звонок Кирилл принял сразу.

– Кирюшенька, – так Маша называла мужа в момент полнейшего раздражения и близкого армагеддона. – Кирюшенька, ты говорить можешь? Не отвлекаю?

– Нет, Машуль, не отвлекаешь! – Хантеров сидел в кабинете директора Хабаровского филиала и вовсю улыбался, хорошо хоть был в одиночестве, ибо директор вёл себя примерно, как Малыш – всё куда-то забивался и прятался. – Ты что-то хотела?

– Ещё бы! Я страсть как хочу уточнить, какого… Ты позволил себе распоряжаться моим забором!

– Радость моя, я ж не знал точно, что он дорог тебе как

память, но… – тут коварный Хантеров сделал эффектную паузу. – Я всегда это подозревал, поэтому дал распоряжение, чтобы его аккуратнейшим образом собрали и предложили тебе на сохранение… Тебе оно нужно?

– Хунта… Не смей звать меня радостью, это раз, я тебе сейчас заплачу за забор, это два, и три…

– И я тебе тут же верну в три раза больше… – закончил Хантеров, приходя в расчудеснейшее настроение – они не разговаривали так уже десять лет, и он дико, просто отчаянно соскучился по Маше в гневе! Раньше он иногда даже специально дразнил её, а потом наслаждался тем, как послушно она велась, как смешно сердилась, как они мирились… Когда случилась та история, Маша стала разговаривать с ним исключительно, невозможно вежливо – как с абсолютно чужим человеком, и это было совершенно невыносимо!

– Хантерррров! – когда она сердилась, его фамилия превращалась в Машином исполнении во что-то тигрово-ррычащее, грррозное, чем умиляла Кирилла Харитоновича чрезвычайно.

– Машка, – вдруг быстро сказал он. – Я последнее время дико за тебя боюсь, поэтому прими ты этот забор за мою слабость и фанаберию, ладно? Там ещё охранка местная приедет, я сам их подбирал, поставят сигнализацию. Машунь, не гони их, ладно? Ты же сама переживала, что в дом залезть могут… А у тебя по периметру дыры в сетке. Короче, потерпи, хорошо? Они за день всё-всё сделают и уедут. Кстати,

если твой дырявый протозабор тебе как память всё-таки не нужен, скажи им, чтобы забрали, ладно?

Гневно сопящее молчание было ему ответом.

Маша никак не ожидала того, что он так скажет, а уж тем более собственной реакции на слова – стало неожиданно хорошо и тепло… Однако марку требовалось держать любой ценой, поэтому, посопев, она осведомилась:

– Кирюшенька, а можно уточнить?

– Что угодно, милая! – фыркнул Хак, который понял, что ему страшно нравится сегодняшний хмурый день, хабаровский филиал, и даже проворовавшийся директор уже не вызывает желания прибить его на месте, дабы не мучить вопросами, а где, собственно, склад, набитый дорогущим оборудованием? Можно и добить из милосердия, знаете ли… Под хорошее-то настроение.

– Не называй меня так!

– Как скажешь, дорогая!

– Хантерров пррекрррати! Это все сюрпризы? Или у меня в кустах смородины ещё сидит десяток-другой твоих сотрудников?

– Неее, не сидит! – уверенно откликнулся Хак. И даже практически не соврал – десятка-то не было!

– Уверен? – подозрительно уточнила вредная Маша.

– Стопудово! – обстоятельно доложил Хак, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Ну смотри… Если кого найду…

– Машуль, родная… Кого найдёшь – все твои. Можешь хоть налоговый кодекс им в качестве наказания зачитывать! – щедро разрешил Хантеров, который очень серьёзно предупредил некоего Ивана, работающего под его началом, чтобы он не попадался ни в коем случае! – Я, например, ничего более страшного себе и представить не могу!

– Ну смотри… – многообещающе процедила Маша. – И да… Спасибо за забор.

– Не за что, дорогая! – хмыкнул Хантеров, заслышав грохот и ругань – это директор нашёлся и шёл к нему на «поговорить»… Не сам, разумеется, шёл, но кого интересуют мелкие и несущественные детали? – До связи!

Маша, конечно, сердилась… Нет, забор был прекрасный, зелёный, как она когда-то и хотела.

– Небось, Сергей отцу проговорился! – сообразила она.

Установили забор стремительно и очень аккуратно, и камеры закрепили, и монитор в доме поставили, и домофон. Вишенкой на торте прибыли сотрудники охранной компании, которые крайне корректно подсоединили сигнализацию, чуть не с реверансами подписали с ней договор.

– Нет-нет, аванс нам оплатили. На год вперёд, ничего больше не нужно! – заверили её.

– Вот же… Самоуправ! – разворчалась Маша.

Нет, оно понятно, что он заботится, но знала она отлично, что скоро от этой заботы вздохнуть будет невозможно!

– Кстати о вздохах… Может, мне в лес сходить? Грибы

посмотрю, Малыша, опять же, выгуляю…

Она машинально прихватила тонкую двустороннюю ветровку сына «вырвиглазного» оранжевого колора с одной стороны и приятно-болотно-камуфляжного с другой, повязала волосы, свистнула псу.

– А ты, Дашуль, остаёшься на хозяйстве! – велела она и решительно зашагала в сторону леса.

Мужчину, который за ней шёл, она засекла почти сразу – недаром замужем за Хунтой была, да и Малыш активно сигнализировал.

– Я поняла, поняла… Не волнуйся! – шепнула псу Маша. – Мы его сейчас проверим… может, он просто так идёт в ту же сторону, что и мы с тобой!

Маша внезапно свернула в лес и довольно быстро зашагала среди деревьев.

Да, разумеется, нормальный человек предпочёл бы остаться на дороге – всё-таки шанс встретить там людей и позвать на помощь, если что, несоизмеримо выше, чем в лесу, но…

– Но нормальной меня, видимо, назвать нельзя по определению! – весело констатировала Маша, которая здешние леса знала как свой рабочий калькулятор, то есть значительно лучше пяти пальцев!

Яркая-преяркая оранжевая куртка мелькала среди деревьев – объект останавливался, наклонялся за грибами, собаку придерживал, точнее, придерживала…

– Идеально, просто легче лёгкого! – Иван удивлялся тому, что Хак его прямо-таки строго-настрого предупреждал не попадаться. – Тётка-то из ненаблюдательных! Ну чего тут может случиться?

Но стоило ему только очередной раз отвести взгляд от оранжевого пятна, мелькнувшего далеко впереди, как…

– Не понял! И где она? Где тётка-то? – он заметался. – Упала? Провалилась в какую-то яму?

Потом оранжевое пятно мелькнуло среди деревьев совсем уж далековато, но направление Ваня засёк и рванул со всех ног туда.

– И рррaз! – Маша сняла яркую куртку, вывернула её болотной стороной наружу, надела на себя и, застегнув молнию, отошла в сторонку.

– И два! – прокомментировала она рывок молодого плечистого парня.

– И три! – отреагировала Маша на громкий всплеск и ещё один странноватый звук, который лучше всего было охарактеризовать как «чавк». – Здрасте, дорогое болото, вот и он, твой обед… Нет, точнее, уже почти ужин.

«Почти ужин» Ваня вынырнул из воды, понимая только одно – под ногами топь!

– Ну всё, если баба туда ухнула, мне лучше и не всплывать! – пронеслось в голове. – Хак точно утопит!

Он забарахтался, панически пытаясь выбраться, а потом услышал справа от себя неожиданный звук – негромкий сме-

шок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.